

Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки

Институт востоковедения РАН

**«Востоковедные чтения 2020. Язык
меняющийся: семантические и грамматические
изменения в языках Азии и Африки»**

Тезисы докладов межинститутской конференции

Москва, 21-22 октября 2020 г.

Востоковедные чтения 2020. Язык меняющийся: семантические и грамматические изменения в языках Азии и Африки. Тезисы докладов межинститутской конференции. Москва, Институт востоковедения РАН, 21-22 октября 2020 г. / Отв. ред. А.А. Смирнитская, сост. С.Д. Малышева. М.: Институт востоковедения РАН, 2020. – 100 с.

Лексические изменения в современном вьетнамском языке

На рубеже тысячелетий в лексическом составе вьетнамского языка произошли и продолжают происходить значительные изменения, как и во многих других языках. Это связано как с экстралингвистическими факторами – процессами глобализации, научно-технического прогресса, возникновением единого мирового информационного пространства, развитием новых технологий, соответственно, появлением большого числа новых понятий, нуждающихся в номинации, так и с внутриязыковыми факторами – постоянным стремлением языка к семантической и стилистической дифференциации слов и их значений, тенденцией к экономии, достижению экспрессивной выразительности. Можно выделить следующие источники появления новых лексических единиц во вьетнамском языке. А) Словообразование (в основном путём словосложения и аффиксации). В словообразовании участвуют как исконно вьетнамские, так и ханвьетские морфемы. Например: *khởi nghiệp* стартап, *nội nhu* внутренний спрос, *toàn cầu hóa* глобализация, *số hóa* цифровизация, *vốn hóa* капитализация, *tình nguyện viên* волонтер, *siêu mỏng* ультратонкий, сверхтонкий, *đa văn hóa* мультикультурный. Б) Иностранные заимствования. Прежде всего следует отметить мощную волну заимствований из английского языка, наблюдающуюся в таких сферах словоупотребления, как компьютерные технологии, спорт, массовая культура, бизнес, молодёжная культура, популярная музыка и т.д.: *online, blog, chat, copy, hack, shop, top, link, web, server, hot, show, slogan, manager, marketing, training, menu, teen, fan* и т.п. Нередки случаи, когда английские слова заимствуются, даже если во вьетнамском языке уже имеются не менее точные вьетнамские эквиваленты: *menu* (*thức đơn* – меню), *online* (*trực tuyến* – в сети, онлайн), *handmade* (*thủ công* – ручной работы), *shop* (*cửa hàng* – магазин) и т.п. В последнее время наблюдается устойчивая тенденция заимствования английских слов

в оригинальном слитном написании английского языка. Иногда даже в случаях, когда слово было заимствовано некоторое время назад и уже приспособилось к фонетическим и орфографическим нормам вьетнамского языка, возвращаются к исходному написанию заимствованной единицы: *mát-xa* – *massage*, *sô* – *show*, *pích ních* – *picnic*, *mô đum* – *module*, *vi-rút* – *virus* и т.п. Массово заимствуются различного рода аббревиатуры. В) Перемещение лексики с периферии в ядро лексической системы: актуализация устаревшей лексики (*thước cấp* – подчинённый, *kiều nữ* – красавица); переход в общеупотребительный лексический фонд разговорной (*xe dù* – нелегальная маршрутка, *bến cóc* – нелегальная остановка), жаргонной (*Tây ba lô* – экономный западный турист, бэкпекер) и диалектной лексики (*kẹt xe* – дорожная пробка, *áo bầu* – беременная, *nhậu* – выпивать и закусывать). Значительно расширилась в последнее время сфера функционирования молодёжного сленга. Многие представители общественности и лингвистического сообщества Вьетнама выражают беспокойство в связи с излишней демократизацией и англизацией вьетнамского языка и выступают за необходимость нормализации вьетнамского языка и принятие закона о языке.

К.В. Антонян

(Институт языкознания РАН, Москва)

Семантическая асимметрия парных модификаторов со значением направления в китайском языке: синхрония и диахрония

Результативная конструкция занимает важное место в грамматической системе китайского языка. Она служит базой для формирования целого ряда грамматических конструкций и категорий, таких как категория вида, ориентации, наклонения (т.н. формы потенциального наклонения).

Одним из подвидов результативной является результативно-направительная конструкция.

Система глагольных модификаторов со значением направления в современном китайском языке представляет собой небольшой закрытый класс из 27 (по мнению некоторых исследователей – 28) элементов. Феномен выработки у них метафорических, а также грамматических (видовых) значений уже немалое время привлекает к себе внимание исследователей (Яхонтов 1957, Chao Yuen-ren 1968, Cartier 1972, Liu Yuehua 1989, 1998, Тань Аошуан 1995, 2002, Антонян 1994, 2003).

Элементы класса связаны парадигматическими отношениями, и прежде всего – отношениями антонимии: этот класс включает несколько антонимических пар. В докладе мы остановимся на явлении семантической асимметрии в этих антонимических парах, которое состоит в том, что система производных (как метафорических, так и чисто грамматических значений) развита у членов пары неодинаково. Один из членов пары обладает более развитой системой производных значений, чем другой. Так, 上 *shang* ‘подняться’ более активен, чем 下 *xia* ‘спуститься’, 出 *chu* ‘выйти’ более активен, чем 进 *jin* ‘войти’.

Неодинаково и время появления этих элементов в текстах в качестве модификаторов, и время появления у них грамматикализованных значений: судя по работам китайских ученых, первым модификатором, у которого появились метафорические употребления, был глагол 去 *qu* (который в то время имел значение ‘покинуть’, ‘удалить(ся)’; в настоящее время он имеет значение ‘уйти’).

Заслуживает внимания также явление своеобразной «ротации» модификаторов: один из модификаторов выходит из употребления, а его место занимает другой: например, 进 *jin* ‘войти’ пришел на смену прежнему 入 *ru* (с тем же значением), а значение ‘удалить’, ‘отбросить’ в современном языке выражает не только 去 *qu*, но и 掉 *diao* ‘бросить’.

Мы рассмотрим явление семантической асимметрии на примере антонимических пар модификаторов 出 *chu* 'выйти' и 进 *jin* 'войти', 上 *shang* 'подняться' и 下 *xia* 'спуститься', а также их производных – сложных модификаторов, образованных их сочетаниями с компонентами 来 *lai* 'прийти' и 去 *qu* 'уйти', которые обозначают соответственно движение к говорящему и от него. Мы сопоставим частоту встречаемости парных модификаторов, широту их сочетаемости, время появления в текстах в функции модификатора, а также систему значений (включая метафорические и чисто грамматические значения). Мы поразмыслим также о возможной взаимосвязи вышеперечисленных свойств этих модификаторов.

Л. Асгари

(Институт языкознания РАН, Москва)

Chemosh/kemosh бог моавитян в иранских языках и диалектах

В своем докладе мы рассматриваем слово *chemosh* в иранских языках и диалектах и связываем это слово с именем бога моавитян *Chemosh /Kemosh* в Библии.

Слово *chamosh* в современном персидском языке далеко отошло от значения, которое оно имело первоначально, а именно одного из моавитских божеств. В распознавании этого слова помогает единственно корпус лексики иранских языков и диалектов. И только в бесписьменных языках и диалектах сохранились свидетельства связи персидского слова с моавитским божеством.

Моав

Регион и королевство Моав в Трансиордании были расположены на плато к востоку от Мертвого моря. В письменных источниках Моав впервые засвидетельствован в

надписях фараона Рамзеса II, который проводил кампании в Моаве и разграбил ряд городов.

Моав был сыном старшей дочери Лота и самого Лота (Бытие 19:35), плодом инцеста. Моав – отец моавитян. Это имя произносится на иврите как *mo-ahv*. Базовое слово «*ahv*» означает «отец». Приставка *mo* означает «от». В совокупности это имя означает "от отца".

Два важных источника о племени моавитов – Моавитский камень, стела, которую моавитский царь Меша (ок. 870 до н.э.) установил в городе Дибоне (современный Дибан, Иордания) и Библия.

В ветхозаветных описаниях (например, Бытие 19: 30–38) моавитяне отнесены к той же этнической группе, что и израильтяне. Их родоначальником был Моав. Богом-защитником их народа был *Chemosh*, точно так же, как Яхве был Богом израильтян.

Моавитяне

В Библии Моав – это племя, проклятое богом за то, что оно отвернулось от истинного бога, поклонялось идолам и постоянно было враждебно по отношению к израильтянам. Кроме того, согласно Библии, племя Моав характеризуется высокомерием, гордыней и наглостью.

В Библии несколько раз об этом сказано:

«Горе тебе, Моав! погиб народ Хамоса, ибо сыновья твои взяты в плен, и дочери твои – в пленении.»

Высокомерие моавитского племени подчеркнуто здесь словами Бога:

«Слыхали мы о гордости Моава, гордости чрезмерной, о его высокомерии и его надменности, и кичливости его и превозношении его».

(Книга пророка Иеремии 48:29).

Chemosh

Chemosh – древнее западно-семитское божество, почитаемое моавитянами как их верховный бог. Мало что известно

о Чемуше; хотя царь израильский Соломон построил ему святилище (3-я Царств 11: 7), святыня была впоследствии уничтожена царем Иосией (2-я Царств 23:13).

Этимология имени *Chemosh* неизвестна. Это имя упоминается в царском архиве Эблы (*Ebla tablets*), датированном III тысячелетием до н. э.

Значение имени *Chemosh* – «разрушитель, покоритель». Он был самым важным и основным богом моавитян.

Из стелы царя Меша и Еврейской Библии мы знаем, что в железном веке *chemosh* был покровителем левантийского царства Моава.

Вариант имени *Chemosh*, а именно *Kamiš*, был найден в архиве в городище Телль Мардих в списке божеств, датированным ок. 2400-2300 до н.э. Как у одного из основных божеств, у него был свой храм в этом городе.

Также в «Книге пророка Иеремии» этот теоним засвидетельствован в форме *Chemosh* в составе латинских фраз. (Jordan 2004, p. 159).

Хотя *Chemosh* считается покровителем моавитян, известно, что ему поклонялись и другие народы Древнего Ближнего Востока еще в третьем тысячелетии до нашей эры.

Chemosh в иранских языках и диалектах

Слово *chemosh* (по-персидски *chamosh*) считается значимым элементом современной иранской культуры и иранских языков.

Chemosh в персидском

Во всех словарях персидского языка *chamosh* употребляется как прилагательное, означающее качество лошади или мула: «который брыкается, лягается». В арабском языке слово *shamus* (شاموس) означает лошадь, которая не позволяет всаднику сесть на нее верхом.

В иранских диалектах это слово имеет значение «непослушный, непокорный» и «норовистый».

Например, «непокорный» (в диалектах Amorei, Davani); о лошади или муле: «неприрученный» (Damavandi); о ребенке: «непослушный, озорной» (Semnani, Lasgardi, Bardsiri др.) «несдержанный, вспыльчивый, раздражительный» (Aftari).

В отличие от других языков и диалектов в зороастрийском дари (йезди и кермани) имеется еще одно значение у слова *Chemosh*, а именно: «нечистый человек, скверный человек»; «неприятный и хитрый человек».

В классических персидских текстах слово *Chemosh* употребляется применительно к лошадям и мулам в значении «неприрученный, норовистый, брыкающийся». Например, в «Тарих-и Надири» (Астерабади); в диване поэтических произведений (Вахший Бафги); в диване поэзии (Фарахани).

Арабский эквивалент, а именно *shamus*, (شَمُوس) также используется в старых персидских текстах в значении «норовистый, непокорный». Например, словарь «Асади/ Логате Форс» (Асади Туси); «Семь красавиц» (Низами); Кашф Аль-Асрар «Раскрытие тайн» (Мейбоди).

Как уже указывалось, в иранских языках и диалектах *chemosh* имеет значение «высокомерный, гордый и наглый». Семантически это слово связано с высокомерием и гордостью моавитян – этот смысл понимали древние иранцы. Однако с течением времени эта мотивировка была утрачена, и значение слова *chemosh* изменилось.

Важное свидетельство, которое раскрывает семантическую связь лексемы *chemosh* с моавитянами, – бранное персидское выражение *valad o chamosh*, что означает «дитя *chamosh*» (используется в разговорной речи). На этом примере видно, как теоним Чамуш превращается в прилагательное «наглый».

В выражении *valad o chamosh* слово *chamosh* – это имя собственное (*o* здесь употребляется вместо арабского изафета *al*). Варианты *chamosh* и *valad o chamosh* (в разговорной персидской речи) употребляются и поныне, хотя в словарях

персидского языка *valad o chamosh* не упоминается. Единственно, в словаре персидской разговорной речи А. Наджафи сказано (в статье *valad*), что выражение *valad o chamosh* бранное. Это выражение может употребляться при шутливом обращении к ребенку, который упрямится.

Е.А. Бакланова

(ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва)

Влияние аффиксального заимствования на словообразовательные модели тагалога

Более 300 лет (XVI в. - нач. XX в.) интенсивных контактов тагалога (тагальского языка, *далее - ТЯ*) с испанским языком колонизаторов (*далее ИЯ*) привели к масштабному усвоению испанской лексики в ТЯ [напр. Wolff 2001]. Вследствие «непрямого заимствования» (по F. Seifart) морфологических элементов из ассимилированных единиц ограниченную продуктивность в ТЯ приобрели такие испанские суффиксы, как *-ero/-a*, *ado/-a*, *-ista*, *-oso/-a*, а также генитивный предлог *de* в качестве квази-префикса *de-* [Baklanova 2017].

В докладе рассматриваются изменения на морфологическом уровне ТЯ в результате аффиксального заимствования из ИЯ. Исследованы данные двух корпусов: моего малого корпуса тагальских новостных и художественных текстов за 2005-15 гг (ок. 135 тыс. слов, 37,5 тыс. уник.) и большого Лейпцигского корпуса [Goldhahn et al. 2012] новостей, блогов и публицистики на ТЯ (ок. 18 млн слов, ок. 472 тыс. уник., *далее - ЛК*).

Основные способы словообразования в ТЯ – префиксация, конфиксация, инфиксация, редупликация и в гораздо меньшей степени - суффиксация. Заимствованные из ИЯ суффиксы не только расширили морфологический инвентарь ТЯ, но и

увеличили удельный вес суффиксации в *именном* словообразовании.

1. *Агентивные суф.* **-ero/-era, -ista** в ТЯ образуют *существительные* со значением профессии, типичного поведения, склонности: *boksing-ero* «боксер» (450 токенов в ЛК), *baba(e)-ero* «бабник» (155); *durug-ista* «наркоман» (22), и др. *Диминутивные суф.* **-ito/-a, ilyo/-a** малопродуктивны с тагальскими основами, в т.ч.: *dalag(a)-ita* «девочка-подросток» (446). Наиболее продуктивен в ТЯ суф. **-ero** (дериваты с более чем 50 тагальскими основами). Суффиксальное образование на **-ero** может варьировать с исконной префиксацией на *mang-, taga(pag)-*: *tambubutáng / butangero* «бандит», *tagapagbalità / balitero* «репортер» и др.

2. *Адъективные суф.* **-ado/ada, -al, -oso/osa** образуют качественные прилагательные в ТЯ. **-al, -o/-a, -oso/-a** малопродуктивны с тагальскими основами, но активно используются в современном ТЯ для *ассимиляции англицизмов*: *kontroversy-úl* < англ. “controversi-al” (802 токена в ЛК, ср. исп. *controvertible*), *impresib-o* < “impressive” (27, ср. исп. *impresionante*); *glamoroso* < “glamorous” (32). Суф. **-ado** показывает наиболее продуктивную адъективную деривацию (более 20 дериватов от тагальских основ). В ряде случаев **-ado** варьирует с глагольными перфектными аффиксами *na-, -in-, -an*: *naapekto / apektado* «пострадавший» (1084 токенов в ЛК), *kinabahan / kabado* «с дурным предчувствием» (172), *inamin / aminado* «признавший, признанный» (477).

3. Заимствованный как квази-префикс **de-** означает «обладающий качеством/объектом». Из 39 выявленных дериватов на **de-** 15 - это гибриды с неиспанской основой: *de-sabog* «огнестрельный» (4 токена в ЛК), *de-aircon* «с кондиционером» (5 токенов). Квази-префикс **de-** также влияет на употребление исконных словообразовательных моделей:

(а) варьирует тагальским преф. *naka-* в значении «одетый во что-л.» (*nakasalamin / de-salamin* «в очках»);

(b) дополняет преф. *ma-* в значении «обладающий качеством/объектом» (*de-kaḥoy* «деревянный», но *ma-kaḥoy* «с обилием деревьев»);

(c) варьирует с адвербиальным преф. *pa-* (*de-padyák* «на общественном транспорте»).

Список используемой литературы

1. Baklanova E. On contact-induced changes in modern Tagalog: A case study // Межцивилизационные контакты в странах Юго-Восточной Азии: исторические перспективы и глобализация. Сборник статей. — СПб: Нестор-История, 2017. — P. 329–359.
2. Seifart, Frank. Direct and indirect affix borrowing. *Language* 91, no. 3. 2015. – Pp. 512-534.
3. Wolff J. The influence of Spanish on Tagalog // K.Zimmerman and T.Stolz (eds.). *Lo propio y lo ajeno en las lenguas austronésicas y ameríndias. Procesos interculturales en el contacto de lenguas indígenas con el español en el Pacífico e Hispanoamérica*. Frankfurt am Main: Vervuert. 2001. 332 p. — Pp. 233-252.

S. Beletskiy

(Institute of Philology and Language Communication of Siberian Federal University; University of Dodoma, Tanzania)

Sound Variation in Kuria Varieties Rinchari and Simbiti: the Case of /ʃ/ and /tʃ/

The study aims to explain the nature and causes of /ʃ/ ÷ /tʃ/ sound variation in Rinchari and Simbiti varieties of the Kuria language (North-East Bantu, E43). The variation occurs in the same phonological context with no change in meaning.

We investigate two possible explanations of this phenomenon: articulatory drift and historical sound change. However

articulatory drift is rather sophisticated as we cannot attest it synchronically with current data. The historical sound change is in the focus of our attention. To trace historical sound change we provide the lexical duplets under investigation with their proto forms as shown in Table 1.

<i>N</i>	<i>Rinchari</i>	<i>Simbiti</i>	<i>Proto-Bantu</i>	<i>Zones</i>	<i>Gloss</i>
1	amanche	amanshe	*jiji 'river; waterhole' / *jinji 'water'	C D E F G H J K L M P R S / F G K M N S	water
2	chimande	shemande	*jjido 'groundnut'	J	groundnuts
3	chinguru	shinguru	*dibù 'strong, hard, difficult'	J	power
4	chinthukya	shinthukya	*cingà 'string; hair (on body)' / *cènjí 'hair tuft on tail'	A B C F G H K L R S / J	hair
5	chinyenyi	shinyenyi	?	?	vegetable
6	chora	shora	*còd 'pay tax' / 'choose'	C, J / C F J M	collect
7	enyacha	enyasha	*jànjà 'lake'		lake
8	ghecha	ghesha	*kànt 'cut'	E, G	cut
9	ghethocho	kethosho	?	?	hare
10	haghacha	haghasha	*bák 'build'	A E G N S	build
11	honchora	honshora	*còd 'pay tax' / 'choose'	C, J / C F J M	exchange
12	ichahe	ishahe	?	?	tea

13	icharu	isharu	?	?	much
14	icho	isho	*jó 'yesterday'	D F J M N P A B C E F G H J K L M N P R S / K L M P	yesterday
15	incho	insho	*jij / *jínj 'come'		come
16	kogocha	ghosha	*pond 'pound, stamp, beat; forge' *jüam 'be	E G J L M N P S	pound
17	machomu	mashomu	beautiful, be good'	G K L M	fine
18	mchere	moshere	?	?	rice
19	mosacha	mushasha	*cáijà 'old man; man', *jamb 'speak; answer'	J	man
20	sumacha	shumasha		B C E H	speak

Table 1: Common lexical items of Rinchari and Simbiti with /ʃ/ ÷ /tʃ/ variation and their Proto-Bantu roots

The more plausible explanation of this phenomena is that on the earlier stage of its development the Kuria language underwent incomplete fricativization *c / *j > ʃ. The /ʃ/ sound was fossilized in what later became Simbiti and gave rise to /tʃ/ sound in what nowadays is Rinchari variety. Fossilization and affrication are triggered by the same phonological processes: post-nasal affrication and spirantization in prefixes and causative extensions, while sibilant harmony serves only for fossilization. In segments that were free of the mentioned processes full fricativization took place. That is why now both Simbiti and Rinchari exhibit the sound /s/.

This framework helped us to explain the shape of the following lexical items: 1, 11, 15 – post-nasal affrication; 2-5 – spirantization and affrication in the prefix; 8, 10, 16, 20 –

spirantization and palatalization in causative extension; 19-20 – sibilant harmony. However there are some lexical items for which we have not found a certain explanation. We can assume that the items 13, 14 may be influenced by the initial i, items 9, 14, 17 may be influenced by the following o, items 12, 18 are obviously borrowed words and were assimilated by Rinchari and Simbiti according to their phonological rules (Rinchari substituted /tʃ/ with the closest sound /ʃ/), items 6, 7, 19 show strong ties with their proto-forms, but the nature of /ʃ/ ÷ /tʃ/ correspondence is not clear. These questions are points for further research and discussion.

А.Г. Белова

(Институт востоковедения РАН, Москва)

Лексическая и грамматическая спецификация в древнеарабском

Лексические и грамматические исследования языка наиболее ранних памятников арабской словесности обнаруживают характерную особенность древнеарабской языковой системы.

В области словарного фонда выделяется пласт глагольной лексики, которая отличается семантической спецификацией (узким специализированным значением).

Грамматический строй древнеарабского языка также представляет своеобразную систему морфологических категорий, значения которых можно охарактеризовать как узко специализированные.

Морфологическая спецификация в различной степени свойственна системе личных местоимений и, соответственно – категории лица; словоизменительным категориям числа и рода. В наиболее дифференцированной форме морфологическая спецификация проявляется в парадигме глагольных финитных и нефинитных форм. В данном случае мы имеем в

виду не только систему расширенных глагольных основ (известных как глагольные «породы»), формы пассива и формы модальности. Особый вид спецификации можно было бы отметить и в «аналитическом» способе характеристики действия, выраженного в финитной глагольной форме.

Рассмотренные тексты поэтов различного происхождения и разных регионов арабоязычного общества свидетельствуют о единой, давно сложившейся и устойчивой лексической и грамматической системе языка.

С точки зрения типологического определения можно было бы сказать, что грамматический строй языка устной древнеарабской поэзии представляет высшую степень синтетизма.

А.А. Блинов

(Институт востоковедения РАН, Москва)

Развитие процесса аббревиации в арабском языке: от Корана до средневековых рукописей

Аббревиация в качестве высокопродуктивного способа словообразования зародилась в арабском языке в глубокой древности. Буквенные сокращения впервые появились здесь еще в 7 в. в первом письменном памятнике арабского языка – Коране. В начале 29 из 114 сур Священного Писания, представляющего собой ниспосланное откровение Аллаха, размещены различные аббревиатуры, в которых, как считают арабы, зашифрован скрытый смысл, известный только Пророку и его последователям. В арабской традиции они получили название *muqatta'āt* «разорванные» или *fawātiḥ* «открывающие». Кроме того, наряду с «мукатта'ат», которые предваряли многие суры, в Коране применялись также особые надстрочные аббревиатуры, обозначавшие места остановок при чтении Корана, такие как, например, *ل* (*lāzim*)

«обязательная пауза», ج (*jā'iz*) «возможная пауза» или صلى (*al-waṣl 'awlā*) «чтение предпочтительно».

Несомненно, что использование аббревиатур в тексте Священного Корана вдохновило многих арабских ученых, стремящихся следовать «Слову Божию», поэтому употребление различного рода сокращений и усечений прочно вошло в обиход средневековых мусульманских авторов. В текстах рукописных манускриптов мы обнаруживаем достаточное количество примеров, когда даже в рамках одного предложения можно увидеть сразу несколько сокращений, идущих одно за другим. Это такие аббревиатуры, как تع (*ta'ālā*) «Всевышний», حص (*ḥuṣūl*) «получение», فه (*qawlu-hu*) «его высказывание», ابنا (*'ahbaranā*) «он сообщил нам», ع (*'alayhi as-salām*) «мир ему», س (*su'āl*) «вопрос» и многие другие.

Как мы можем убедиться, использованные здесь приемы аббревиации весьма искусны и изощрены: это и опущение концовки слова, и пропуск его серединной части, и обозначение лексемы всего лишь одной буквой. Все это демонстрирует, что сокращения занимали особое место в первых письменных памятниках арабского языка.

С.А. Быкова

(ИСАА МГУ им. Ломоносова, Москва)

О некоторых изменениях в японском языке в конце XX- первых десятилетиях XXI вв.

Последние десятилетия XX- первые десятилетия XXI вв. ознаменовались значительными изменениями в японском языке, многие из которых были связаны с двумя основными факторами – функционированием т.наз. «новых» диалектов и развитием коммуникации с помощью Интернета и новейших способов мобильной связи. При этом большинство новых

тенденций, будь это появление новых грамматических форм, лексических единиц или изменения в акцентуации, связаны с языком молодёжи, из которого они распространяются в общий язык. Употребляются эти новые формы в ситуациях устного общения и переписке с помощью смартфонов и других современных средств связи. Впервые «новые» диалекты были описаны известным японским лингвистом Иноуэ Фумио ещё в 80-е гг. прошлого столетия. Эти диалекты, сочетающие в себе черты территориальных и социальных диалектов и характеризующиеся появлением прежде всего новых грамматических форм и лексических единиц, зарождались в среде подростков ряда районов Японии и затем распространялись в языке других поколений по всей стране. Так, именно в молодёжной среде начали употребляться т.наз. *рануки-котоба*, букв. «слова без *ра*», которые представляют собой формы *мирэру*, *табэрэру* глаголов типа *миру*, *табэру* и пр. в страдательном залоге, в которых в отличие от стандартного языка эллиптируется слог *ра* в формах *мирарэру*, *табэрарэру*, адъективные формы, образованные от глаголов, по типу *тигакатта* (= *тигаттэ иру*) «отличается, ошибочно», формы вида *ваканнай* «не понимаю, не знаю» вместо нормативной отрицательной формы *вакаранай*, стяжённые глагольные формы, ещё более «укороченные», чем ранее, и т.д. Благодаря молодёжному языку в токийской речи появились слова *тяринко*, *тярики*, *тя:ри* «велосипед», которые уже в 90-е гг. употреблялись вместо привычного *дзитэнся*. Процесс, начавшийся в прошлом веке, продолжается в настоящее время. При этом молодёжный язык оказывает значительное влияние на формирование новых тенденций. Изменениям в японском языке эпохи Хэйсэй («Хэйсэй но гэнго хэнка») был посвящён целый номер журнала «Нихонгогаку» (№ 9, сентябрь 2012 г.), в котором три из пяти статей в сущности описывают новые тенденции в языке молодёжи, в том числе употребление модных слов *нау*

(«сейчас [нахожусь]»), от англ. now), *вадзу* («был, находился», от англ. was) и других, записываемых при этом в переписке хираганой. Новая лексика молодёжного языка наряду с модными словами, которые также во многом обязаны своим появлением в японском языке молодёжи, ежегодно представляется в специальном разделе справочника-энциклопедии «Гэндэй ё:го но тисики» (Знания ныне используемой лексики).

Ketevan Gadilia
(РГГУ, Москва)

Diachronic explanation of some typological features

The paper focuses on the category of definiteness in Iranian languages and explores some of its significant features. The category of definiteness is an innovation that developed in the Middle Iranian period as a result of the reduction of the Old Iranian multi-case inflexion system to compensate eliminated synthetic case system. The readjustment of this language system led to the development of analytical and agglutinative system. As a result, two formal types of definiteness were generated (postpositional and prepositional), the DOM category was developed, and, the argument-predicate structure fundamentally was changed.

1. Some agglutinative and analytical elements, namely postpositive markers in West Iranian languages and prepositional ones in East Iranian languages became markers of an innovative category of the definiteness: From the formal point of view, two micro-typological types of definite and indefinite markers were generated.

a) Postpositional agglutinative markers (West Iranian).

Markers of definiteness/indefiniteness (including the case markers, reflection of **radi*, **radiy*): Persian, Dari, Tajik *-i*, Gilaki *-i/-e*, *-a/-*

ra, Luri, Bakhtiari *-i*, Dialects of Farsa *-i, -a, -o, -u, -aku*, Talish *-i*, Gurani *-aka, -ew/-ewa*, Zaza *-äkä/-ek, -äk*, Suleimani *-eke, -e/-ek*, Sivendi *-ēk, -i/-y/ -e*, Yezidi *-i; -é*, Baluchi *-ē, -ā, -arā/-r, -rā*, Tat *-ī, -rā/-ā, -re/-e*, Mazanderani *-i, -a/-ra*.

b) Prepositional analytical elements (East Iranian):

In Pamir languages the demonstratives partially and/or entirely lost the spatial/deictic meaning. In Wakhi definiteness is marked by prepositional adjective demonstratives *ya, yaet, yaem*. In Ishkashim the demonstratives in the reduced set of the singular forms mark definiteness, either in the Nominative case *ma, da, (w)a*, or in the Oblique case *am, ad, (a)w*.

2. Differential object marking (DOM) is recognized in approximately 300 languages of the world. DOM is determined by non-relational characteristics, such as person, animacy, specificity, definiteness, aspect, etc. In “Differentielle Objektmarkierung in den neuiranischen Sprachen”, Georg Bossong investigated DOM in twenty-six Iranian languages. Case-marking of direct objects depends on their referential status. Nominal direct objects are zero-marked, pronominal direct objects are oblique and definite. In Modern Persian the postposition *-rā* is a marker of the direct object. However, the opinion that *-rā* is the obligatory marker of the specific direct object, both definite and indefinite seems too radical (The Iranian languages, 2009:110). Comparison of utterances (1) and (1) demonstrates, that the functions of postposition *-rā* is much more complicated.

(1) <i>man</i>	<i>ketab-rā</i>	<i>xaridam</i>
I	book Def	bought Past 3rd Pl
(2) <i>man</i>	<i>ketab</i>	<i>xaridam</i>
I	book Indef	bought Past 3rd Pl

3. The grammatical and semantic function of definiteness becomes relevant for understanding the nature of the argument-predicate structure. Direct object/patient can be marked by:

nominative case or by oblique case, that depends on the context, communicative goal and the semantics of the noun. Thus, the argument-predicate structure deeply depends on the semantic and pragmatic parameters of the discourse. Designating actants by various specifiers distinguishes the subject and the direct object of a transitive/intransitive verb to avoid any ambiguity. The specifiers mainly represent a deep relation with the category of definiteness.

Some of the synchronic typological features related with the definiteness and indefiniteness (and related specificity) has been inherited historically. Diachronic processes led to the current formal, semantic and functional system which are strongly bound with the definiteness and indefiniteness.

References

1. Bossong, Georg. Empirische Universalienforschung: Differentielle Objektmarkierung in den neuiranischen Sprachen. Tübingen: Narr, 1985.
2. The Iranian languages. Ed. by Geront Windfuhr. Routledge languages Family Series, 2009.

P. Grashchenkov

(Institute of Oriental Studies RAS, Moscow)

Altaic Serialization as Functional Head Spell-Out

Altaic languages have serial verb constructions (SVC) characterized as a single item wrt intonation, meaning and TAM-marking, (1) and specified in benefactivity or aspectuality. Exploration of SVC in Altaic raises a problem for comparative studies: how did different family members display similar constructions created from distinct lexical / grammatical material? I propose that grammaticalization of serial verbs proceeded from

the (pseudo)-coordinated clauses, to the elaborated vP structure and was accompanied by the serial verb argument structure decay.

The direction of is shown in (3). First the (pseudo)-coordinated clauses gave rise to the linear order in (1). The starting point for that was the complex event-chaining predication, (4.a). In the next step the internal argument(s) become shared by the two conjoined clauses, (4.b). Then the serializer lost its internal arguments and the string got reanalyzed as coordinated VPs. I suggest that at that moment the ApplH head was placed between v and V, so that the benefactive, lexically selected by *take*, is coreferent with the applicative arguments above, (4.c). Finally, Altaic got to the stage where the whole string became vP with *take* in the ApplH head position and the applicative argument in Spec, ApplH (4.d). It is crucial that all these stages are present in Modern Altaic exemplified here with Tatar. This confirms the validity of all the steps described above. It is also important that every step in the derivation decreases the amount of syntactic structure.

The paper contributes both to the UG theory and to the theory of language change. As for the former, the proposed analysis argues in favor of the cartographical approach to functional heads, (Cinque 1999), contra ‘flexible’ approach, see (Neeleman&Koot 2008) as an example of it. In particular, for a grammatical function (ApplH) to receive overt realization in a language, it should be somehow covertly present but not, say, totally absent and expressed ‘lexically’.

The contribution of the paper to the theory of language change is that the emergence of SVC is a productive mechanism that serves to overtly realize functional elements that had no phonological content before. The discussion of SVC in Altaic is extended to cases of aspectual modification.

(1)	[DP ARG ₁]	[DP ARG ₂]	...	lexical Verb- _{non_finite_form}
	Serializer- _{finite_form}			
(2.a)	Arsih	aca kanra-na	tüt-sa	il-c-ë
	<i>Chuwash</i>			

man child rope-ACC catch-CNV take-PST-3
(Shluinsky'06)

The boy took away a rope for himself (not expressed).

(2.b) Ajsa (bij-d-än) maxə shar-dhə avə-v
Kalmyk
Ajsa (herself-DAT-POSS) meat rost-CNV take-PST
(Mishchenko'08)

Ajsa roasted the meat for herself.

(2.c) Taroo-ga watashi-ni ryori-o tsukut-te
kudasat-ta *Japanese*
Taro-NOM I-DAT food-ACC make-CNV give-PST
(Goto, p.c.)

Taro prepared food for me.

(2.d) Kiho-kaai-cykey swukcey-lul hay-cwu-ess-ta
Korean
K.-NOM child-DAT homework-ACC do-give-
PST-IND (Zúñiga'07)

Keebo did the homework for the child (to have it).

(3) Paths of SVC grammaticalization in Altaic:

coordinated clauses → coordinated VPs → innovative functional heads / lexical item

→ argument structure decay of the serializer

(4.a) [&P Ätä [CP ätä büre-ne kürep] & [CP ätä balta-ny
ala]] *Tatar*
father wolf-ACC saw axe-ACC
took

The father saw a wolf and took an axe.

(4.b) [&P Ätä balta-ny [CP ätä balta-ny kürep] & [CP ätä
balta-ny ala]] *Tatar*
father axe-ACC saw
took

The father saw and took an axe.

(4.c) [CP Ätä_i balta-ny_k [VP t_i [APPL Pro_{APPL} [&P [VP t_k kürep] [VP
Pro_{BENEF} ala]]]]] *Tatar*
father axe-ACC saw
took

The father saw and took an axe for his sake.

(4.d) [CP Ätä_i balta-ny_k [VP t_i [APPLP PRO_{APPL} [VP t_k kürep]
 [APPL ala]]]]
 father axe-ACC saw
 took

The father saw an axe for his sake.

А.В. Громова

(ИССА МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва)

Почему «язык»? Почему «диалект»? Определения понятий *guyeş/lahje/zabān* в иранской диалектологии

Кристаллизация значения вынесенных в заголовок базовых для диалектологии понятий «диалект», «акцент», «язык» происходила параллельно с развитием этой молодой в рамках иранского языкознания науки.

В настоящее время Академией персидского языка принята следующая система терминов:

- «*Gune* ‘разновидность языка’ – это нейтральный термин, который можно использовать по отношению к любому наречию, без специального уточнения, представляет ли собой данное языковое образование говор, диалект или язык.

- Термин *lahje* ‘говор/акцент’ применяется в том случае, когда различие между двумя или более языковыми разновидностями в основном сводится к фонетическим отличиям. Носители разных говоров одного языка без особых трудностей могут понять друг друга.

- *Guyeş* ‘диалект’ – это разновидности языка, которые в ходе исторического развития по ряду причин обрели различия на фонетическом, грамматическом, лексическом уровне, однако, сохраняется взаимопонимание между их носителями. Если же разница между двумя языковыми разновид-

ностями будет настолько ощутимой, что взаимопонимание будет невозможно, можно утверждать, что эти говоры являются разными языками. В ходе истории говоры одного языка, отдаляясь друг от друга, могут превращаться в разные диалекты одного языка. Если же по прошествии веков диалекты одного языка разошлись настолько, что взаимопонимание между их носителя невозможно, это означает, что данные диалекты превратились в разные языки».

В заключении в процитированном «Руководстве по сбору диалектов», изданном Академией Фархангестан в 2013 г., отмечается и социокультурный фактор, для описания не только географического, но и социального варьирования языковых систем.

Следовательно, в данной концепции ключевыми критериями являются взаимопонятность (и, соответственно, сходство языкового строя), общность исторического развития и привязка к определенной территории. Во главу угла ставится развитие различий языковых систем и охват уровней языка (для говора – фонетика, для диалекта – все уровни).

В ходе развития иранской диалектологии в последние полвека для уточнения этих дефиниций отдавалось предпочтение различным принципам: ареальный, коммуникативный, историко-диахронический, социокультурный.

Сам термин «диалектология» (*guyeššenāsi*) был введен в научный оборот С. Кия (1920-2001), специалистом по истории иранских языков и одним из создателей так называемой Второй Академии персидского языка (1970-1980). До него в значении термина «диалект» употреблялся арабизм *lahje*, который в современных работах соответствует акценту. В изданном в 1962 г. «Руководстве по сбору диалектов» использованы следующие дифференциальные признаки: 1) наличие/отсутствие литературы (на диалектах имеется только фольклор: песни, поговорки, загадки); 2) ограниченная сфера использования диалектов (фольклор и бытовое общение); 3) привязка к

определенной территории в противоположность распространению персидского языка по всей стране.

Историческая диалектология развивалась вместе с изучением путей развития и постепенного нормирования литературного персидского языка. Создатель курса «История персидского языка» и одноименной кафедры Филологического факультета Тегеранского университета, П.-Н. Ханлари – автор одной из первых грамматик персидского языка, написанных с учетом европейских лингвистических традиций, – анализирует факторы развития языковой дивергенции и дифференциации диалектов (политический, социокультурный) и описывает проблемы диглоссии и исторического сосуществования и параллельного функционирования в языке нескольких регистров.

С формированием современного терминологического аппарата на персидском языке, был введен нейтральный, с социолингвистической и с исторической точек зрения термин *gune* ‘идиом’. В работах таких видных ученых, как А.А. Садеги, М. Дабир-Могаддам, И. Калбаси, применяются оппозиции разговорный vs. литературный язык (наличие/отсутствие нормы и традиции), экстерриториальность vs. локализация в определенной местности (ареал распространения), учитываются степень взаимопонятности, социальный престиж и официальный статус идиома, а также диахронический фактор и генетическое родство.

Эта система терминов используется в большинстве современных лингвистических работ и в научно-популярных материалах СМИ, посвященных сохранению языкового многообразия Ирана, в частности, дню родного языка и различным событиям, организованным в рамках Года языков коренных народов.

Синтаксические модели интернет-чэньюев китайского языка

Очевидно, что существование интернета и возможность общения в сети определенным образом влияет на любой язык, и китайский не является исключением, подтверждение тому – появление новых выражений и конструкций, которые получают распространение не только в виртуальном пространстве, но и выходят за его пределы в реальную жизнь. Одно из таких явлений – интернет-чэньюи. Этот термин возник сравнительно недавно, в работах отечественных лингвистов он пока встречается довольно редко, однако в Китае ученые активно ведут дискуссии не только о том, какой именно термин использовать для данного понятия, но и занимаются описанием свойств этих языковых единиц.

С точки зрения ситуаций возникновения, Ян Кай разделяет интернет-чэньюи на четыре группы [1]:

1. Возникшие в результате сокращения предложения или фразы: 不明觉厉 (*bù míng jué lì*, «не понимаю, что это значит, но звучит неплохо»), 累觉不爱 (*lèi jué bù ài*, «так устал, что больше нет сил любить») и др.;
2. Содержащие в себе описание события или явления, вызвавшего широкий резонанс в обществе: 正龙拍虎 (*zhèng lóng pāi hǔ*, «не признавать свою ошибку даже после разоблачения»), 兆山羨鬼 (*zhào shān xiàn guǐ*, «слова не соответствуют действительности») и др.;
3. Выражения, которые представляют собой видоизменение уже существующих чэньюев: 谁死鹿手 (*shéi sǐ lù shǒu*, «невозможно предсказать,

как реагирует организм на тот или иной продукт питания»), 十面霾伏 (*shí miàn mái fú*, «сильный смог») и др.;

4. Чэньюй-кальки, которые созданы по образцу идиоматических выражений, существующих в других языках: 猪涂口红 (*zhū tú kǒuhóng*, от англ. “lipstick on a pig” — «накрасить свинью помадой», то есть «попытаться с помощью косметических средств и процедур изменить внешность в лучшую сторону») и др.

Несмотря на то, что количество существующих на данный момент интернет-чэньюев не велико, однако, мы уже можем проанализировать их и сделать выводы, что часть из них, в основном это касается последних трех групп из представленной выше классификации, построены по уже существующим продуктивным синтаксическим моделям, которые были описаны, например, в работе Н.Н. Котельниковой [2], однако большая часть интернет-чэньюев из первой группы появилась вследствие сокращения целой фразы или предложения путем выделения наиболее семантически значимых компонентов, что и привело к возникновению новых синтаксических моделей.

Стоит отметить, что ранее П.П. Ветров [3] также указывал на то, что в китайском языке сохраняется тенденция возникновения чэньюев по архаичным моделям, в то же время он говорил, что активность фразеобразовательных процессов постепенно угасает, однако, как мы видим, с появлением интернета ситуация некоторым образом изменилась, и теперь появляются новые синтаксические модели чэньюев, которые постепенно закрепляются в обиходном языке.

Список используемой литературы

1. 杨凯. 网络四字短语暨“网络成语”调查研究: 长春理工大学学报(社会科学版), 2014, 27(7). 110–113页. Ян Кай,

Исследование «интернет-чэньюев», то есть четырехсложных словосочетаний, распространенных в интернете // Вестник Чанчуньского технологического ун-та, 2014, 27(7). С. 110–113. [Электронный ресурс] URL: <https://wenku.baidu.com/view/843ddfafdd36a32d72758115.html?r=e=view> (дата обращения: 14.02.2020).

2. Котельникова Н.Н., Структурно-грамматические особенности китайских четырехморфемных фразеологизмов «чэньюй» // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та, 2016, 8(112). С. 160-166. [Электронный ресурс] URL: <http://izvestia.vspu.ru/files/publics/112/160-166.pdf> (дата обращения: 14.02.2020).

3. Ветров П.П., Фразеология современного китайского языка: синтаксис и стилистика / П. П. Ветров; отв. ред. К. Я. Сигал. – М.: Восточная книга, 2007. С. 119.

К.И. Демич

(Институт востоковедения РАН, Москва),

А.В. Костыркин,

(Институт востоковедения РАН, Москва)

Особенности становления современной японской философской терминологии в эпоху Мэйдзи по лексикографическим данным

1) Рецепция европейской философской мысли в эпоху Мэйдзи в контексте модернизации Японии.

2) Специфика японской рецепции европейской философской терминологии. Заимствование европейской терминологии как пример терминологического заимствования. Преобладание на первом этапе выбора в качестве переводных эквивалентов уже устоявшейся в японском языке ранее заимствованной китайской лексики и семантические измене-

ния в ней. Семантическое калькирование европейской терминологии. Разработка понятия «замещения» значения в работах Мориока Кэндзи на основе изучения заимствований в публицистике Ниси Аманэ. Замещение как особый тип лексико-семантического заимствования. Отказ от использования существующей лексики и переход на последующих этапах к словообразованию на основе китайских корней.

3) Представление лексики в ранних японских философских словарях «Тэцугаку дзии» Иноуэ Тэцудзиро (1881) и «Тэцугаку дзитэн» Томонага Сандзюро (1905) на примере терминологии И. Канта.

4) Японские толковые и переводные словари общей лексики и отражение в них японской специфики лексико-семантических заимствований из европейских языков. Проверка их языкового усвоения и тривиализации обратным переводом.

Л.Р. Додыхудоева
(ИЯз РАН, Москва)

К семантическим параллелям в выражении страха (на материале *фразеологических единиц* памирских языков)

В докладе на примере фразеологических единиц в памирских, шугнанском и ваханском, языках рассматриваются способы отражения такого семантического поля как эмоциональные состояния тревоги и беспокойства, страха, ужаса и смятения, вызванные испугом.

Основным способом моделирования отрицательного эмоционального состояния в описанных микрополях рассматриваемых языков являются экстралингвистические факторы, прежде всего физиологические состояния, психическое восприятие, мимика и жесты, связанные с непроизвольным движением отдельных частей тела человека, мотивированные

рефлекторными актами. В силу этого опорным словом в таких фразеологических единицах нередко бывает соматическая лексика. Одним из главных мест локализации эмоционального состояния в картине мира памирских народов являются глаза. При посредстве этого органа особенно ярко проявляются эмоции, связанные со страхом, испугом. В силу этого значительное число фразеологизмов в памирских языках, шугнанском и ваханском включает ядерный компонент *глаз(a)*. Это фразеологические обороты, фиксирующие, например, параметры глаз, виды движения глазами, их выражение и изменение их положения.

Во многих случаях семантика фразеологического осмысления в сопоставляемых языках связывается с метафорическим развитием значения фразеологизмов, построенных на основе соматизмов. Так, шугнанский фразеологизм *хи сетен нахфентов* ‘тарашить глаза; смотреть устрашающе; пугать’ построен на основе глагола *нахфентов* ‘вырывать, вытаскивать, отдирать’; другая фразеологическая единица *сетен йидора чидов* ‘выпучивать, тарашить (глаза)’ связана с идеей уподобления глаз человека в состоянии испуга большой круглой чаше: *йидора* м. ‘глиняная чашка, миска; выпуклый’, с развитием значения ‘выпученный; сильно открытый, вытарашенный (о глазах)’; шугнанское словосочетание *wis set(en)* ‘выпученные глаза’ построено на основе имени существительного *wis*, первое значение которого ‘чучело из шкуры теленка, набитой соломой’ выходит из употребления и может быть отнесено к архаизмам; данная лексема имеет дополнительно два переносных значения: ‘лохматый, косматый’ и ‘выпученный (о глазах)’ (на основе той же лексемы построен сложноименный глагол *wis sittow* ‘крепнуть, наливаясь силой, полнеть, поправляться’). Ваханский фразеологизм *čəžmiš liw-liw (wocak)* ‘(делать) безумные глаза (букв. подобные диву)’, то есть ‘сверкать глазами, теряя контроль (над собой)’ в данном случае как от испуга, так и от

гнева.

Во многих случаях семантика фразеологического осмысления в сопоставляемых языках связывается с метафорическим развитием значения соматизмов. Так, состояние сильного страха, ужаса передается фразеологизмом *araq ziwêstow* ‘вогнуть в пот’, имеющим также значение ‘заставлять много, напряженно работать; расстраивать, пугать, волновать’.

А.В. Дыбо

(Институт языкознания РАН, Москва)

Семантические изменения в Сводешевских списках тюркских языков и диалектов: лексическая зона Атласа диалектов тюркских языков¹

В докладе рассматриваются типы семантических переходов, наблюдаемые в базисной лексике диалектов тюркских языков. В настоящее время мы располагаем материалом более 150 110-словных списков Сводеша – Яхонтова, собранных с контекстами употребления и лексико-семантическим окружением, протолкованных и проэтимологизированных. Этот материал представляет богатые возможности для изучения типологии семантических переходов в ареально и генетически связанной группе языков.

Синхронный анализ значения слова включает определение первичного значения и продуктов семантической деривации. Историко-семантический анализ похож на этот процесс так же, как процесс фонетической реконструкции похож на процесс построения глубинных структур для фонемного уровня языка. При сравнительно-историческом семантическом анализе можно рассматривать варьирование

¹ Работа поддержана грантом РФ 18-18-00501 «Создание электронного атласа тюркских диалектов РФ».

значений рефлексов слова праязыка как род многозначности: многозначность внутри языковой семьи.

Способы выяснения структуры и направления семантической деривации в истории, в частности, такие как рассмотрение возможностей изменения сочетаемости слова, возможностей изменений под влиянием сменившихся этнографических характеристик у носителей языка, ареальный метод, составляют незамкнутую систему исследовательских приемов, которая позволяет четко поставить вопросы, связанные с семантической реконструкцией.

Возможности семантического дрейфа принципиально исчислимы для каждого значения слова, основываясь на его описании в рамках толково-комбинаторного словаря: а) метонимические возможности основаны на добавлении и убиении семантических признаков из толкования; б) метафорические возможности – основаны на замене семантических признаков (одушевленный <=> неодушевленный и под.). В предлагаемом исследовании анализируется, каким образом реально наблюдаемая картина соотносится с таким исчислением; насколько распространены разные типы замен, и как они связаны с системными соотношениями в лексикосемантических группах и с ареальными влияниями, наблюдаемыми при помещении информации на диалектологическую карту.

А.В. Дыбо

(Институт языкознания РАН, Москва),

С.А. Крылов

(Институт востоковедения РАН, Москва)

Изменения семантической системы в монгольских и тюркских языках (в аспекте корпусного исследования)

Предлагается подход к сопоставлению двух синхронных срезов одной языковой традиции, позволяющий сравнивать не историю отдельных слов или морфем, а историю семантических систем целого языка как таковых; для этого предлагается специальный метод, реализуемый на материале разных языков: (а) старописьменного монгольского в сопоставлении с современным монгольским; (б) древнеуйгурского в сопоставлении с современным тувинским.

Для того, чтобы представление о семантической системе целого языка приобрело достаточно чёткие очертания, надо создать по необходимости весьма упрощённую модель такой семантической системы. В роли такой упрощённой модели можно использовать верхушку (образно выражаясь, «топлист») частотного словаря словоформ данного языка. Количественный объём такой «верхушки» можно условно приравнять к некоторому числу, одинаковому для всех сопоставляемых языковых состояний; напр., в качестве такого числа можно взять (разумеется, сугубо условно!) 100 самых употребительных словоформ данного языка. Это вполне осуществимая задача, если для данных языков существуют полноценные (и относительно сбалансированные) корпуса.

Для записи означаемых должен использоваться один и тот же семантический метаязык. В этом качестве может использоваться некоторый уже существующий естественный язык. Однако для некоторых целей может оказаться более удобным искусственный «формальный» метаязык. Так, для

записи означаемого грамматических морфем удобнее всего пользоваться тем или иным национальным (тюркологическим или монголистическим) вариантом так называемых «Лейпцигских правил» глоссирования. Однако для означаемого так называемых «лексических» основ слов этот стандарт ещё не разработан, поэтому предлагается экстраполировать его из сферы грамматики в сферу базовой лексики данного языка.

Категориально-семантическая разметка (КСР) словаря (и корпуса) базируется на принципах, предполагающих умение исследователя интуитивно выделять главное.

Для всех основных омонимических пучков словесных сегментов (частотность которых превышает порог L_1), мы умеем выделить тот из членов пучка, в значении которого данный сегмент употребляется чаще, чем в остальных значениях; ср. помету римской цифрой I);

Для всех словоформ, частотность которых превышает порог L_1 , мы умеем выделить то ("базовое") из его значений, которое он ощущает как таковое (ср. помету под арабским номером 1).

Для всех "базовых" значений слов, входящих в совокупность V_1 (в нашем случае это "базовый сублексикон" из примера 2), исследователь умеет построить их перевод на некоторый **искусственный универсальный семантический метаязык (УСМЯ)**, ядро которого составляет известный Лейпцигский стандарт морфологической разметки; а кроме этого стандарта, в этот УСМЯ входят некоторые элементы латинского языка, – а именно, те, на которые удобно переводить (с монгольского) основы словоформ, входящих в V_1 .

А.А. Евдокимова

(Институт языкознания РАН, Москва),

Е.Г. Толмачева

(Центр палеоэтнологических исследований, Москва)

Использование названий неюлианских месяцев в византийских надписях в Египте, Сирии, Палестине и других восточных провинциях

Предметом нашего исследования являются термины, используемые для обозначения месяцев в византийское время в восточных провинциях Византийской империи, отличающиеся от названий месяцев в повсеместно использовавшемся юлианском календаре. Две группы месяцев, которые мы анализируем, встречаются в византийских надписях разного жанра, в основном, в период IV–VIII вв., на каждую из них приходится около 30-50 вхождений. Некоторые из названий этих месяцев встречаются разово и позже, но это скорее исключение. Если сравнивать с античным периодом, количество упоминаний в надписях для каждого названия сократилось примерно втрое, однако расширились географические рамки для египетских: помимо Египта, они встречаются в Палестине, Нубии, Аравии и Италии. А для «македонских» наоборот сузились: те перестали встречаться в Малой Азии, Македонии и других областях, а стали распространены в Сирии, провинции Финикии и в Палестине.

Говоря об исторически обусловленных причинах подобной ситуации, следует пояснить, что если на западе Римской империи юлианский календарь вводился без изменений, то в восточных провинциях, где греческий язык являлся официальным административным языком, новое исчисление приспособлялось к местным традициям². Так, в

² Бикерман Э. Хронология древнего мира. Ближний Восток и античность. М.: 1985, с. 42.

Египте еще в 25 г до н.э. был установлен Александрийский календарь, синхронизированный с юлианским, но сохранивший египетские грецизированные названия месяцев. Позднее этот календарь получил название коптского. В большей части восточных провинций, начиная с эллинистического времени, использовался также македонский календарь.

В греческих текстах названия месяцев вводятся через две базовые формулы: с упоминанием слова месяц в двух вариациях (в Д.п. с предлогом ἐν или без него или в Р.п.) и без него. Первая формула часто употребляется в более официальных надписях, в том числе в декретах, строительных и посвячительных, и в меньшей степени в погребальных. Формула без упоминания слова месяц часто сочетается либо с годом, либо с индиктом и встречается, в основном, в двух жанрах надписей: погребальных и молитвенных. В погребальных чаще всего с глаголами "ἐκομήθη" или "ἐτελεύτησεν" или в сочетаниях с формулами с существительными "μνημεῖον", "στήλη" etc. В молитвенных надписях с традиционной для этих регионов формулой "εἰς τὸ θεὸς ὁ βοηθ(ῶν)" в сочетании с глаголом "εἰβ(ιωσεν)" («жил», что указывает на явный поминальный характер) или без него.

При этом египетские чаще сочетаются с указанием на год по эре Диоклетиана "ετους <Δι>οκλητι(ανου)" или просто "<Δι>οκλητι(ανου)"

Если посмотреть на варианты написания, то получается следующая картина:

Для египетских без вариантов написания: Θωθ, Епф, Фар(μου)θ(ι), Παχων. С вариантами: Φαμενωθ (из саид.) Φαμενοθ Φαμωθ, Παύνι Παοίνι Παῖνει, Μεσορη (саид.) Μησορη Μεσορ Μ[ε][σο]ρῆ, Παωφι (бохар.) Φαωφι Φαωφ, Ἀθὺρ Αθηρ, Χοιακ (бохар.) Χοιαχ Χίαχ Χόιαχι, Τυβι (из бохар.) Τῶβε Τήβη Τυβη, Μεχιρ (бохар.) Μηχῆρ Μεχεῖρ Μεχιλ. Большая часть вариантов следует традиции принятой в бохайрском коптском диалекте, меньшая часть в саидском. Так для пар Τυβι - Τυβη,

последний вариант не влияние процесса итацизма в греческом, а саидская норма написание с конечным [e], что также находит отражение в Γωβε. Варианты Μησορή и Μηχῆρ скорее отражают тенденцию в этих регионах передавать звук [e] как "η".

Для македонских без варианта написания: Δύστρον, Δίου, Περίτιω, Ἀελλαίω. С вариациями: Γορπ[ι]αίω Γορπιέω Γαρπιέου Γορπιήο[υ, Λώιω Λόου Λώω Λώου, Δαισίω Δεσίου Δισ(ίω), Πανήμου Πανέ[μου Πανίμ(ου), Ξανθικῶ Ξανδικῶ Ξαδικῶ, Ἄρ[(τεμ)σίω Ἀρτεμεσίου Ἀρτημησίου Ἀρτιμ(ισίου Ἀρτημισ(ίω), Ἀύδ(υ)ναίου, Ὀδο(ναίου) Αὐδοναίω Αὐγδωναίω Ὀγδονέου, Ὑβερ(βε)ρεταίου Ὑ<π>ερβερετέου Ὑπερ]βηρ(εταίου). Как мы видим большая часть этих вариантов подчиняются происходящим в то время в византийском языке фонетическим изменениям и отражают возникающие орфографические вариации. А некоторые из них вариации, которые возникли на сирийской почве, как Ὀγδονέου / Ὀδο(ναίου), Γαρπιέου или Ἀρτημησίου.

Одной из причин замеченного нами явления, что орфография названий некоторых месяцев оставалась неизменной, вероятно, заключалась как в тенденции к консерватизму, свойственной текстам, связанным с погребальной обрядностью, так и с возможно сохранившимся кругом магических представлений, имевших отношение к употреблению теоморфных названий месяцев.

А.А. Зализняк
(Институт языкознания РАН, Москва),
А.А. Смирнитская
(Институт востоковедения РАН, Москва)

Каталог семантических переходов в языках мира: данные дравидийских языков

Языковые изменения бывают по-разному заметны. Некоторые, такие как появление неологизмов, протекают быстро, на наших глазах. Другие совершаются медленно, на протяжении столетий изменяется одна фонема или один семантический компонент значения. Наблюдения за изменяющимися лексическими значениями являются предметом рассмотрения разных лингвистических дисциплин: сравнительно-исторического языкознания, исторической лексикографии, семантической типологии [1, 3]. Один из теоретических подходов к этому объекту в рамках семантической типологии – изучение семантических переходов в языках мира в терминологии Анны А. Зализняк [4, 5].

В этой методологической концепции семантический переход между двумя лексическими значениями устанавливается при наличии некой “концептуальной смежности между двумя языковыми значениями, проявляющейся в совмещении этих значений в пределах одного «слова в широком смысле»”, на синхронном уровне или диахронически [5]. Совмещения эти могут быть реализованы одним из следующих способов: синхронная полисемия (ведущий тип реализации), диахроническая семантическая эволюция, морфологическая деривация, когнаты и заимствования [там же]. Так например, семантический переход **breathing** → **animal** (ID 1701 по Каталогу DatSemShift) реализован в форме морфологической деривации в случае латинского *anima* 'дышать' → *animal*, *-ālis* 'животное' и санскритского *prāṇa*- 'дыхание' → *prāṇin*- 'живое

существо', а также в форме когнатов – в старославянском *дыхати* 'дышать' и готском *dius* 'животное'.

Эта методология нашла отражение в Каталоге семантических переходов в языках мира DatSemShift [2], разрабатываемом группой исследователей в Институте языкознания РАН. На настоящий момент в нем собрано более 2100 подтвержденных семантических переходов, и еще около 2000 находятся в работе.

Настоящий доклад посвящен реализациям семантических переходов, описанных в Каталоге, в дравидийских языках. При этом семантические переходы могут иметь лингвоспецифический характер, как например, переход **blue** — **beautiful** (ID 4002), реализованный в тамильском языке полисемией, или могут иметь более универсальную природу, как переход **white** — **honest** (ID 1431), реализованный деривацией в языке малаялам. Обсуждаются примеры из разных лексико-семантических полей, таких как цветообозначения, глаголы движения, как например, переход **to reach** → **to get, obtain** (ID 25), реализованный полисемией в тамильском и телугу, термины родства, ср. переход **mother** → **main** (ID 298) в телугу и другие.

Список используемой литературы

1. Бурлак С. А., Старостин С. А. Сравнительно-историческое языкознание. М.: Издательский центр «Академия», 2005.
2. Datsemshift 2.0. - Zalizniak Anna A., Bibaeva M., Bobrik M., Gruntov I., Mikhailova T., Orlova M., Russo M., Smirnitckaya A., Voronov M. Каталог семантических переходов в языках мира. DatSemshifts 2.0: <http://datsemshift.ru/> [Accessed on 27.02.20].
3. Juvonen P., Koptjevskaja-Tamm M. (eds.). The lexical typology of sematic shifts. Berlin: De Gruyter Mouton, 2016.
4. Zalizniak Anna A., Bulakh M., Ganenkov D., Gruntov I., Maisak T., Russo M. The Catalogue of Semantic Shifts as a Database for Lexical Semantic Typology // Linguistics. 2012. 50 (3). p. 634—670.

5. Zalizniak, Anna A. The Catalogue of Semantic Shifts: 20 Years Later. // Russian Journal of Linguistics. Vol. 22, № 4 (2018). P. 770-787.

А.С. Зверев

(Институт востоковедения РАН, Москва)

Знак смеха в японском языке: рождение нового служебного показателя в условиях письменной интернет- коммуникации

Сфера неформальной электронной коммуникации – динамично развивающаяся область японского языка, отмеченная множеством письменных инноваций. В их числе – разнообразные средства передачи модально-экспрессивной информации: символы типа ♪, ★, ♥, всевозможные смайлики-*каомодзи*, нестандартные формы многоточия. Вопросительный и восклицательный знаки тоже принадлежат этому ряду: по сравнению с европейскими языками, в японском они имеют еще слишком ограниченное распространение, но активно употребляются в эмоциональном и персонализированном интернет-дискурсе.

По совокупности критериев, принимающих во внимание форму, значение и другие особенности функционирования этих единиц, все они с большим или меньшим основанием могут быть причислены к периферии японской пунктуации [Зверев 2016] (ср. также [Акидзуки 2009: 230-258]), а с точки зрения собственно грамматики мы относим их к разряду модально-экспрессивных частиц – одному из канонических классов японских служебных показателей [Зверев 2014а; Зверев 2014б].

В докладе планируется рассмотреть несколько этимологически связанных письменных выражений, передающих

эмоцию смеха, – от целых скобочных групп типа (笑い), (笑) до максимально экономных вариантов типа w, v. В элементах этого эволюционного ряда можно видеть разные стадии на пути развития нового пунктуационного показателя, который мы называем «знаком смеха».

Предполагается обсудить изменения, которые обеспечивают наблюдаемый переход свободной дискурсивной ремарки в модально-экспрессивную частицу. Кроме того, вопрос о принадлежности новых единиц к знакам препинания заставляет задуматься о содержании этого понятия и о соотношении его графических и грамматических аспектов.

Список используемой литературы

1. Зверев А.С. Пунктуационные заключительные частицы в японском языке // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2014. № 5. С.170-182.
2. Зверев А.С. Знаки препинания конца предложения как заключительные частицы письменного японского языка // Вопросы языкознания. М., 2014. №6. С. 92-110.
3. Зверев А.С. Системоцентризм и антропоцентризм в изучении пунктуации: в поисках объективных критериев выделения знаков препинания // Проблемы общей и востоковедной лингвистики 2015. Язык. Общество. История науки. К 70-летию члена-корреспондента РАН В. М. Алпатова. Труды научной конференции. Институт востоковедения РАН 22-23 апреля 2015 г. Том 2. М.: ИВ РАН, 2016. С.136-144.
4. 秋月高太郎 Акидзуки Ко:таро:. 日本語ヴィジュアル系 —— あたらしいにほんごのかきかた. [Визуальный стиль в японском языке – новое японское письмо]. Токио: Кадокава, 2009.

**Примеры семантических переходов в турецком языке:
семантический снежный ком и история сужения «турецких
штанов»**

Словарь современного турецкого литературного языка имеет значительные отличия от словаря османско-турецкого, на котором говорили писали ещё менее ста лет назад. Начатая в молодой Республике Турция в 1928 г. реформа языка касается не только введения латиницы и формирования новой письменности, но и замены иностранных слов «исконно турецкими». В этих условиях многие тюркские лексемы, имеющие глубокие корни, не становятся архаизмами, а совершают семантические переходы: формируется полисемия (araba – ‘телега’, ‘подвода’, ‘тачанка’, ‘вагон’, ‘автомобиль’, ‘детская коляска’), претерпевают семантическую эволюцию (don – от ‘парада кораблей’ до ‘предмета нижнего белья’), в том числе переход от негативного значения к позитивному (emek - от ‘мучительного труда’ к ‘пенсионному обеспечению’).

Современный турецкий язык представляет собой результат успешного реформирования, подобно возделыванию сада. Опыт Республики Турция активно перенимают страны ближнего зарубежья, словари которых имеют большой процент русизмов.

Список используемой литературы

1. Дятленко С. И. – Языковая политика и языковые реформы в государственном и национальном строительстве (аналитический обзор) // Социологическое обозрение. Т. 6, № 3. 2007. С. 49–59.

2. Зализняк А.А. – Многозначность в языке и способы её представления. – М.: Языки славянских культур, 2006.
3. Кононов А. Н. – Очерк истории изучения турецкого языка / Академия наук СССР, Отд-ние литературы и яз., Сов. ком. тюркологов, Ин-т востоковедения, Ленингр. отд-ние. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1976. — 119 с.
4. Надеяев В.М. – Древнетюркский словарь. Авторы Надеяев В.М., Насилов Д.М., Э.Р.Тенишев, Щербак А.М., Боровкова Т.А., Дмитриева Л.В., Зырин А.А., Кормушин И.В., Летягина Н.И., Тугушева Л.Ю. – Ленинград 1969.
5. EtimolojiTürkçe [Интернет-ресурс] – режим доступа: <https://www.etimolojiturkce.com>
6. Parlatur İ. – Türkiye Türkçesinin Tarihsel Sözlüğü Çalışmaları // Türk Dili, Dil ve Edebiyat Dergisi, sayı 557, Mayıs 1998: 387-399.
7. Sir Gerard Clauson - An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford, 1972.

И.Н. Комарова

(Институт языкознания РАН, Москва)

Особенности фонологической системы тибетского языка

В настоящее время тибетский язык (ТЯ) представлен рядом территориальных диалектов, инновационные черты которых проявляются почти на всех уровнях языковой структуры. Однако комплексное исследование показывает, что грамматические и лексические расхождения вовсе не столь значительны, так как основные инновации касаются фонологического строя, в частности, состава гласных и согласных, а также тонемной системы. Недостаточная изученность особенностей фонетики диалектов ТЯ привела к тому, что большинство зарубежных тибетологов разделили все

диалекты на две большие группы – «современные» диалекты Центрального Тибета (Лхасы и Шигацзе) и «архаичные» диалекты Северо-востока Тибета (Амдо и др.) [А. Рона-Таш, 1966, 1984]. При этом имелось в виду, что архаичные диалекты почти сохраняют древнее состояние тибетского языка VII-IX вв. и имеют незначительное расхождение между письменной и устно-разговорной формами языка.

Однако исследование амдоского фонологического строя опровергает это заключение. Действительно «современные» диалекты обладают значительными фонетическими инновациями, а диалект Лхасы имеет статус самого вокального диалекта с противопоставлением долгих и кратких гласных, появлением умлаутных гласных и системы тонов.

Позиционные закономерности модели силлабической единицы древнетибетского языка выделяются семью элементами – CCCCVCSS, а модель силлабической единицы диалекта Лхасы – тремя сегментными и одним тоновым элементом – CVC^T: CCCCVCSS → CVC^T *glu* > *lu*¹ ‘горная песня’; *brlags* > *la*²⁴ ‘разрушил’ (пр. вр.).

Лхасский диалект – ведущий диалект ТЯ, отражая эволюцию языковой системы, является основным источником фонетических инноваций. Имея преимущественное распространение в различных сферах общественной жизни, он составляет базу для формирования современного литературного тибетского языка.

Фонологический строй диалектов ТЯ типологически подобен другим языкам изолирующего типа, характеризуется фиксированным количеством силлабических единиц, жесткой дистрибуцией фонем в составе силлабемы и их строго определенной функцией (инициальные и финальные группы), а также наличием / отсутствием системы тонов.

Силлабо-тонические единицы лхасского диалекта образуют следующие пять моделей, сопровождающихся четырьмя тонами:

V^T , CV^T , CVC^T , $CV:^T$, VC^T . В анлауте и ауслауте слогов допускается только один согласный.

Наблюдаем соотношенность инноваций в системах двух диалектов ТЯ – Лхасы и Амдо, представленных в следующих примерах:

Древнетибетский язык		Лхасский диалект	
V^T	<i>dbu</i>	<i>u^l</i>	‘голова (вежл.)’
CV^T	<i>kha</i>	<i>kha^l</i>	‘рот, отверстие’
CV^T	<i>gur</i>	<i>khu.²</i>	‘палатка, навес’
CVC^T	<i>bod</i>	<i>phø^{ʔ3}</i>	‘Тибет’
VC^T	<i>dgur</i>	<i>ur^l</i>	‘изучать, растирать (тушь)’

Системы синлабических единиц диалекта Амдо (но не синлабо-тонических единиц за отсутствием системы тонов) включают не многим большее разнообразие моделей, так как только в анлауте, но не в ауслауте сохранились консонантные стечения, состоящие из двух сегментных элементов (а что важно!) долгие и умлаутные гласные отсутствуют.

Древнетибетский язык		Диалект Амдо	
CV	<i>bal</i>	<i>wa</i>	‘шерсть барана’
CV^T	<i>bod</i>	<i>wot</i>	‘Тибет’
CCV	<i>mgo</i>	<i>ngo</i>	‘голова’
$CCVC$	<i>bdun</i>	<i>wdən</i>	‘семь’

Таким образом, фонетический строй диалекта Амдо тоже не отстает от инноваций: древнетибетский язык $CCCCVCC$ – $CCVC$ диалект Амдо.

Можно с уверенностью констатировать, что «архаичные» диалекты Тибета тоже претерпели существенные инновации, однако по отношению вокализма и консонантизма

диалект Амдо можно назвать все же языком консонантного типа с ярко выраженной консонантной доминацией.

Явления инновационных черт сближают лаосский диалект тибетского языка с флективными языками (ср. русский язык); их объединяют такие явления, как: а) «внутренняя флексия» при синтетическом типе именного и глагольного формообразования; б) размытость границ соприкасающихся слогов и в) чередование гласных фонем при выражении эргатива, атрибутивных, адресивных, посессивных, пространственных и прочих отношений:

1) при выражении эргатива чередование: [o – ø] *kho*¹ ‘он’ номинатив > *khø*²⁴ ‘он’

эргатив (*kho*¹ + *sa* > *khos* (транслит.)

2) при выражении атрибутива чередование [o – ø] *kho*¹ ‘он’ номинатив > *khø*:¹ ‘его’

атрибутив (*kho*¹ + *i*² >) *kho*¹ *i* (трансл.)

В заключение отметим различные результаты перестройки фонетического состава слога в современных диалектах тибетского языка, вызванные уникальными лингвистическими условиями тибетского географического ареала (скалистые горы, непроходимые леса, быстрые реки) и соответственно различными инновационными процессами, которые претерпел древнетибетский язык.

Свидетельством этого предстают письменные графические формы слов, относящиеся к VII-IX вв., (благо не измененные подобно китайским иероглифам), и отражающие исходные последовательности гласных и согласных в фонетической системе древнетибетского языка.

Список используемой литературы

1. Рерих Ю.Н. Тибетский язык. 1984.
2. Комарова И.Н. Тибетское письмо. М. – 1995.
3. Парфионович Ю.М. Тибетский письменный язык. М. – 1970.

4. Amdø:¹ kha¹ kɛ²⁴ lo¹ dep/ Qinhai minzu chubanshe. Xinin. 1989 (Учебник разговорного диалекта Амдо. Цинхай. Изд-во национальностей Синин. – 1989). (на тиб., кит. яз.).
5. Goldstein M.C. Modern Literary Tibetan. Berkeley. Los Angeles. Oxford. – 1991.
6. Hu Tan. You shendiao Zang yu he wushendiao Zang yu zhi bijiao // Languages and History in East Asia. Festschrift for Tatsuo Nisida on the Occasion of his 60th Birthday. Kyoto, 1988 (Ху Тань. Сопоставление тональных и атональных диалектов тибетского языка // Языки и история Восточной Азии. Юбилейный сборник, посвященный 60-летию со дня рождения Тацуо Нисида. Киото. – 1988).
7. *Qu Aitang*. Han-Zang yuyan yanjiude lilun he fangfa. Zhongguo zangxue chubanshe. Beijing, 2000. (*Цюй Айтан*. Теория и методы исследования тибетского языка. Изд-во исследований по тибетологии. Пекин, 2000).
8. Róna-Tas A. Tibeto-Mongolica. Budapest, 1966.
9. Róna-Tas A. Some Remarks on Vowel Sistem of the Tibetan and Buddhist Studies // Commemorating the 200th Anniversary of the Birth of Alexandr Csoma de Kőrös. Budapest, 1984.

Е.В. Коровина

(Институт языкознания РАН, Москва)

Колексификации в австронезийской и «папуасской» ядерной лексике

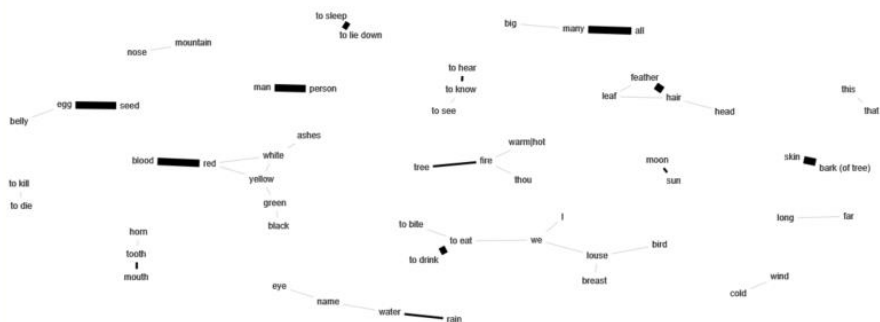
В настоящее время становятся доступными большие базы данных, пригодные для компьютерной обработки. К крупнейшим из них относятся, например, такие базы как CLICS, ABVD, Transnewguinea, ASJP и др. К их достоинствам относится возможность сравнительно легкого тестирования

гипотез, в частности, проверки схожести структур коллексификаций (т.е. неразделенных полисемий и омонимий) в языках разных ареалов и разной генетической принадлежности. Однако следует помнить, что к результатам такого рода следует относиться с некоторой осторожностью, поскольку качество входных данных не всегда достаточное и соответственно при детальной проверке может оказаться, что факт данного языка не вполне адекватен реальности.

В докладе на примере двух таких баз ABVD (австронезийская) и Transnewguinea (папуасские языки), относящихся к тихоокеанскому региону, будет показана структура коллексификаций базисной лексики, характерных для данного ареала и проанализирована их дистрибуция. Ниже представлены их предварительные схемы:

Базисная лексика австронезийских языков по ABVD

Базисная лексика папуасских языков по Transnewguinea

С.Г. Крамарова
(СПбГУ, Санкт-Петербург)

Индонезийские заимствования в балийском языке

1. Балийский язык используется, в основном, при общении между балийцами, а также в других сферах – образовании, литературе и средствах массовой информации. Большинство балийцев двуязычны – владеют балийским и индонезийским языками, а часть – трехязычны – владеют также и английским языком.

2. Двуязычность большинства балийцев, а также высокий статус индонезийского языка определяют наличие заимствований разного уровня в балийском языке из индонезийского языка. В наибольшей степени это касается лексических заимствований, в то время как морфологические и синтаксические заимствования в рассмотренных текстах (современный балийский язык литературы) почти не встретились.

3. Заимствуется, как правило, наиболее употребительная лексика, а также терминология. Заимствованная из индонезийского языка лексика делится на исконно малайскую

и заимствованную из других языков (из голландского: *antropologi* ‘антропология’, *apartemen* ‘квартира’, *telpun* ‘телефон’; из английского: *polisi* ‘полиция’, *tipi* ‘телевизор’, из португальского: *méja* ‘стол’ и др.).

По морфологической сложности выделяются следующие виды лексических заимствований:

- корневые морфемы (*bapak* ‘отец’, *ibu* ‘мать’, *jendela* ‘окно’);
- дериваты (*pasukan* ‘войско’, *penyakit* ‘болезнь’);
- сложные слова (*baik hati* ‘добрый’, *surat kabar* ‘газета’).

Заимствованная единица может участвовать в балийских морфологических моделях (*penyakit-né* ‘его болезнь’ (болезнь-3.POS), *surat kabar-é* ‘(эта) газета’ (газета-DEF), *sertifikat-ang-a* ‘быть сертифицированным’ (сертификат-Tr-PAS), *menyumbuhang* ‘обрызгивать’ (*meN-simbuh-ang* АСТ-брызгать-Tr).

4. К заимствованиям на морфологическом уровне относятся некоторые индонезийские аффиксы и клитики, использующиеся с исконными балийскими корневыми морфемами или дериватами (*timpal-nua-ne* ‘(этот) его друг’ (друг-3.POS-DEF), *menabdab* ‘организовывать’ (*meN-dabdab* АСТ-организовать).

5. К синтаксическим заимствованиям относится использование некоторых индонезийских служебных слов, в частности относительного служебного слова *yang*:

Vli ene suami yang baik.hati.

Старший.брат этот муж REL добрый

‘Он хороший муж.’

Использованные сокращения

- 3. POS – клитика притяжательного местоимения 3 лица
- АСТ – показатель (префикс) актива переходного глагола
- DEF – показатель (артикл) определенности имени
- PAS – показатель (суффикс) пассива переходного глагола

REL – относительное служебное слово

Tr – суффикс переходного глагола

Список используемой литературы

1. Putu Sutarna Profil sociolinguistik Bahasa Bali // Seminar Nasional Bahasa Ibu Bahasa Ibu Fungsi, Kondisi, Revitalisasi: Pemberdayaan Bahasa Indonesia dan Bahasa-bahasa Nusantara sebagai Bahasa Ibu. – Seminar Perdana Bahasa Ibu, 20-21 Februari 2007. – Universitas Udayana, 2007. – p. 374-385
2. Fanny Henry Tondo, S.S., M. Hum Revitalisasi Bahasa Ibu. Urgensi dan tantangan ke depan // Seminar Nasional Bahasa Ibu Bahasa Ibu Fungsi, Kondisi, Revitalisasi: Pemberdayaan Bahasa Indonesia dan Bahasa-bahasa Nusantara sebagai Bahasa Ibu. – Seminar Perdana Bahasa Ibu, 20-21 Februari 2007. – Universitas Udayana, 2007. – p. 485-490.

Н. Крнета

(ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва)

Изменения в системе личных местоимений японского языка в XX веке

Система местоимений в японском языке быстро изменяется. Это обусловлено общей логикой развития японского языка и экстралингвистическими факторами. На протяжении веков обнаруживается тенденция понижения степени вежливости местоимений, с их последующим превращением в вульгаризмы или диалектизмы и исчезновение. Основные экстралингвистические факторы – изменения структуры общества, знакомство с другими языковыми системами, языковая политика государства, развитие новых технологий.

Два основных фактора влияют на изменения в системе местоимений в XX в.: близкое знакомство с системами

западных языков и демократизация общества. После поражения во второй мировой войне упростилась структура японского общества и установилось формальное равенство всех слоев населения. Общий уровень вежливости речи снижается, что накладывается на общую тенденцию постепенного снижения вежливости в системе личных местоимений. Стало возможным обозначение 3-го лица не фамилией или званием, а местоимениями, вызвавшее резкое увеличение частоты их использования. Резко возросла частота и расширилась сфера использования личных местоимений второго лица, что было обусловлено большим объемом переводной литературы начиная со второй половины XIX в. В западных языках местоимения используются чаще, чем в японском языке. Переводной текст на японском содержит больше местоимений, чем исконно японский.

Во второй половине XIX в. было создано местоимение третьего лица женского рода *канодзэ*. До этого времени не было специального местоимения для обозначения женщин, в силу их низкого социального положения. Изначально использовались указательные местоимения *анохито* и *карэ* для обозначения третьего лица без указания на их пол. С середины XX в. по мере постепенного повышения социальной роли женщин местоимение *канодзэ* начинает широко использоваться, а у *карэ* происходит семантический сдвиг, и это местоимение начинает обозначать исключительно представителей мужского пола.

Языковая политика государства также оказала влияние на изменения в языке. Становление стандартного японского языка, начатое еще во второй половине XIX в., продолжалось и в XX в. В рамках этого процесса система личных местоимений приобрела все признаки, которые ее характеризуют на сегодняшний день, – в их числе категорию числа, которая до этого времени была факультативной.

Начиная с XIX в. число местоимений сокращается из-за изменений в обществе и в социальной структуре Японии. Сокращается вариативность форм языка при складывании стандартного языка. Можно считать, что каждое местоимение представляет вариант общей формы с определённым семантическим значением. При вышеупомянутом процессе сократилось и количество местоимений. Количество местоимений 1-го и 2-го лица, употребляемых сегодня, включая и редкие, по приблизительным подсчётам составляет около 20, хотя еще в начале XX в. их было около 50.

Можно предположить, что все эти процессы будут происходить и в будущем, и что наше описание системы местоимений японского языка в конце XX в. уже через несколько десятилетий будет представлять источник данных для диахронического исследования местоимений будущего «современного» японского языка.

А.С. Крылова

(Институт востоковедения РАН, Москва),

Е.А. Ренковская

(Институт востоковедения РАН, Москва)

Язык куллуи и языковые контакты

Доклад посвящен языковым контактам языка куллуи, получившим отражение в ряде лексических и грамматических заимствований в последнем. Куллуи – индоарийский язык группы химачали-пахари, распространенный в горной долине Куллу в штате Химачал-прадеш (Индия). Территориально куллуи граничит с другими идиомами химачали-пахари: с языком мандеали на западе, с сейнджи и внутренним сираджи на юге, а также с тибето-бирманскими идиомами на востоке и северо-востоке. В настоящее время официальным языком

штата Химачал-Прадеш является хинди, он наряду с английским используется в образовании. Хинди и английский становятся все более популярными в регионе в результате общих процессов глобализации. Санскрит сохраняет свою актуальность как язык индуистской традиции. При этом если рассматривать социолингвистическую ситуацию в ареале распространения куллуи в диахронической перспективе, то становится очевидным, что на протяжении прошлого столетия на язык куллуи влияли и другие языки. До 1966 года территория современного штата Химачал-прадеш входила в состав штата Пенджаб с официальными языками хинди и панджаби, тогда как образование в то время часто велось на урду. Контакты с мандеали в исторической перспективе обеспечивались тем, что дорога, связывающая горную долину Куллу с равниной, пролегла и до сих пор пролегает через ареал распространения мандеали – округ Манди.

В основу доклада легли данные четырех экспедиций³ в округ Куллу в 2014-2018 гг. На основании полевых данных мы можем утверждать, что в языке куллуи отмечаются лексические заимствования из мандеали, панджаби, урду, хинди, английского, а также пласты санскритской и арабо-персидской лексики. Заимствованная лексика определяется как по конкретным лексическим единицам из других идиомов, так и по нарушению элементов исторической фонетики куллуи. И в том, и в другом случае не всегда можно с уверенностью определить один конкретный язык-источник. Так, заимствованную лексику в куллуи выдает фонетический переход др.-инд. $f > s$ (тогда как в куллуи должно было быть др.-инд. $f > \text{ʃ}$) и в таком случае языком-источником мог послужить один из трех языков: мандеали, панджаби или хинди. А сохранение др.-инд. кластеров *tr*, *dr* (которые в

³ Данное исследование осуществлялось при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта 19-012-00355 (2019-2021) «Исследование языка куллуи на основе корпуса устных текстов», рук. Ю.В.Мазурова

куллуи перешли в *ɪf* и *dʒ* соответственно) говорит о возможности заимствования из мандеали или панджаби. В таких случаях в основу определения конкретного языка-источника ложатся другие факторы, как, например, социолингвистический. Так, лексические заимствования из урду (например, *dzenana* ‘женщина’, *darya* ‘река’) отличаются от общей арабо-персидской лексики, встречающейся в большинстве языков «пояса хинди» и на данный момент наблюдаются в основном в речи представителей старшего поколения (за 60 лет).

Языковые контакты повлияли также на грамматику куллуи. На данный момент мы можем утверждать о наличии грамматических заимствований из мандеали и хинди. Предположительно под влиянием мандеали в куллуи образовался разряд неодушевленных местоимений [Ренковская 2019а] и особые прохибитивные частицы [Ренковская 2019б].

Влияние грамматики стандартного хинди заметно в частности в инхоативных конструкциях, а именно в утрате согласования причастия с субъектом.

Список используемой литературы

1. Ренковская 2019а – Ренковская Е.А. Неодушевленные указательные местоимения в языке куллуи // Шестнадцатая Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов (Санкт-Петербург, 21–23 ноября 2019 г.). / Ред. Е. А. Забелина. СПб.: ИЛИ РАН, 2019.
2. Ренковская 2019б – Ренковская Е.А. К вопросу о границах и диалектах языка куллуи // Проблемы общей и востоковедной лингвистики 2019. Языки Южной и Юго-Восточной Азии. Труды научной конференции. Институт востоковедения РАН, 24-25 апреля 2019 г. – М.: Институт востоковедения РАН, 2019 (в печати).

В.Г. Кульпина
(МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва)

Расширение и динамика профессиональной картины мира (по материалам польско-российского ежегодника *Opuscula Iaponica et Slavica*)

Научная картина профессии формируется у ученых веками, а у очередных поколений исследователей – десятилетиями. В докладе – на материале пяти томов совместного польско-российского ежегодника *Opuscula Iaponica et Slavica*, показываются возможности формирования и обогащения профессиональной картины мира языковеда-япониста. Благодаря взаимодействию двух разных школ японистики – российской и польской, и двух профессиональных картин мира, на страницах ежегодника сформировалась особая познавательная ситуация и научная среда. Ее особенность в том, что родные языки исследователей, хотя и являются близкородственными, наследуют иную лингвокультурную и лингводидактическую традицию, иную логику подачи материала, определенные различия наблюдаются в теоретических установках – всё это в конечном счете обогащает методологию научного исследования, расширяет границы профессиональной картины мира и динамизирует ее развитие.

Вышеназванный процесс демонстрируется прежде всего на материале статей, связанных с проблемами грамматики и грамматической семантики (В.М. Алпатов, Б. Еремич, А.С. Панина, В.И. Подлеская и Н.А. Соломкина, У.П. Стрижак, П.П. Хойнацки, Ш. Гжеляк), истории японистики (В.М. Алпатов, М. Ивановски, Д. Денисевич и П. Вежхонь и др.); истории языка (Я. Вавжинчик (редактор серии), В.М. Алпатов, Е.Н. Левченко, М. Ивановски, Т.А. Розанова); лексикологии, лингвопоэтики и лингвокультурологии

(А. Адамчик, В.М. Алпатов, Л.М. Ермакова, И. Бартошевич, М.В. Торопыгина, А.Н. Мещеряков и др.); лингводидактики (А.А. Коренев, К. Мончин, С.Н. Пономарчук и Р.Р. Чайковский); культурологии и политологии (П. Вишнюк, М. Клос, А.А. Кошкин, С. Мияно, А. Пётышек, М. Пётровска, Я. Северски, П. Штафей, Я. Макаров и др.

Различия в интерпретации языковых явлений и фактов могут способствовать конкуренции представлений о таковых и реинтерпретации явлений языковой действительности; дополнительную сферу научной рефлексии создают в ежегоднике статьи на английском языке. Высказывается предположение, что изучение трудов коллег, в том числе в плане расширения понятийно-терминологического аппарата специальности, может послужить личному продвижению исследователей по пути познания, способствовать пополнению запаса специальных текстов и обогащению профессиональной картины мира языковеда и культуролога. В статьях имеются также обширные фрагменты из области китаистики и кореанистики.

Е.К. Молчанова

(Институт языкознания РАН, Москва)

Сакральные термины и изменение их семантики у иранских зороастрийцев⁴

Доклад посвящен лексической семантике (и ее динамике) некоторых *традиционных* зороастрийских сакральных терминов. Они привлекают внимание в связи с отражением в них этнокультуры и этнопсихологии зороаст-

⁴ Доклад подготовлен при финансовой поддержке РФФИ, грант № 17-04-00563а.

рийцев Ирана. Представления зороастрийцев и соответствующие термины показаны в соответствии с изменениями на протяжении истории: на древнем этапе (на материале авестийского языка), на этапе пехлевийских сочинений (в эпоху Сасанидского Ирана) и на современном этапе (на материале языка зороастрийского дари).

Понятие 'душа' у древних иранцев. Особое место в лексиконе зороастрийцев Ирана занимает древнейшее слово **vrun** 'душа'. Оно засвидетельствовано в этом значении еще в авестийских текстах, см. ав. **urvan** 'душа'. При этом понятие приложимо не только к человеку, но и к другим творениям Ахура Мазды.

Согласно наиболее ранним представлениям, расставшаяся с телом душа – *урван* – на три дня задерживалась на земле перед тем, как сойти вниз, в подземное царство мертвых, в котором правил Йима.... В царстве Йимы души жили словно тени и зависели от своих потомков, которые продолжали пребывать на земле. Потомки должны были удовлетворять их голод и одевать.

Древнее понятие *фраваш* и его соотношение с понятием *урван*. Для души усопшего, кроме *урван*, имеется еще одно обозначение, а именно **фраварти* (авестийское *фраваш*). Фраваш представлялись чем-то вроде *валькирий* – женскими существами, крылатыми, населяющими воздух. Если они были довольны жертвоприношениями, они быстро слетались на помощь людям. Они старались обеспечить каждый год дождями свои семьи, следили за тем, чтобы в их семьях рождались дети, а во время войны невидимо сражались рядом со своими потомками.

В зороастрийских текстах богослужения отождествление фраваш и души-урван иногда бывает полным, как это выражено в следующих словах: "Мы поклоняемся душам (урван) умерших, которые являются фраваш праведных". Все-таки различие между этими двумя душами сохраняется до

наших дней, и заключается оно в том, что с молитвой обращаются к фравашаи, но для души-урван.

Толкование терминов *фравашаи*, *фрвахр*, *фравард* имеется в «Словаре имен и терминов» в книге М. Бойс «Зороастрийцы»: «дух, существовавший до этой жизни и остающийся после смерти человека, часто синоним души».

Понятие ‘душа’ в пехлевийских сочинениях (среднеперсидский язык). В *среднеперсидском* лексема ‘душа’ представлена как *guvān*. Как кажется, объем концепта здесь несколько сужен, хотя мы встречаем в этих сочинениях упоминания о душах не только усопших людей, но и некоторых животных. В пехлевийском литературном памятнике «Арда Вираз намаг», изданном под названием «Пехлевийская Божественная комедия», показаны разные судьбы душ усопших в аду и в раю. *Фравашам* (ср.-перс. *fravahr*, авест. *fravaša-*) посвящен первый месяц зороастрийского календаря и девятнадцатый день каждого месяца (Фравардин). Фравашаи в пехлевийских сочинениях – это бессмертные души, существующие до рождения людей и остающиеся жить после их смерти, своего рода ангелы-хранители.

Понятие ‘душа’ у современных зороастрийцев Ирана. Характерным признаком менталитета и конфессиональной практики современных зороастрийцев Ирана является сохранение древнего культа усопших и культа предков-праведников. Зороастрийцы верят, что души усопших неразрывно связаны с миром живых, а их (усопших) ангелы – фравашаи – в назначенное время спускаются с небес, чтобы убедиться в благополучии своих близких. Последние готовятся к таким посещениям и к угощению фравашей.

В языке зороастрийском дари понятие ‘душа’ представлено лексемой **vrūn**. Это закономерная фонетическая трансформация ав. *urvan*, ср.-перс. *guvān*. Судя по всему, зор. дари **vrūn** относится к (покойному) человеку и едва ли к животным.

В докладе приводятся *фразеологизмы*, в состав которых входит зороастрийская дари лексема **vrun**. В них она использована в традиционном значении ‘душа’.

Вместе с тем в языке современных зороастрийцев Ирана наблюдается *семантический сдвиг* в этой лексеме: помимо своего основного значения, она употребляется также для обозначения **тела покойного** зороастрийца. Этот сдвиг обусловлен, очевидно, этнопсихологией и речевым этикетом.

Что касается трупа покойного зороастрийца, он считается нечистым и соприкасаться с ним могут только особые лица, соблюдающие назначенные ритуальные процедуры. Не исключено, в связи с этими установками, и использование *эвфемизма* для обозначения соответствующей реалии. Помимо этого, зороастрийцы, как и другие иранцы, соблюдают *речевой этикет*, что также могло повлиять на изменение семантики рассматриваемой лексемы. Подтверждением сказанному может служить имеющееся в словаре зороастрийца К. Кешаварза пояснение к слову **vrun**: «душа умершего человека. Из уважения так же называют труп, еще не преданный земле».

Приведенные сведения свидетельствуют о том, что современные зороастрийцы Ирана сохраняют древний иранский культ усопших и культ предков-праведников. Сохраняются и соблюдаются (иногда в сокращенном виде) старые обряды. Вместе с тем происходит постепенное *изменение семантики* старинной зороастрийской терминологии (не говоря о ее сокращении). Не исключено, что часть древнейшей, авестийской лексики затемняется и, возможно, заменяется новообразованиями описательного характера.

Приведенные сведения отражают также общеизвестное *двуязычие* (зороастрийский дари и персидский) у современных зороастрийцев. Зороастрийский дари - язык бесписьменный, так что надписи на могильных камнях делаются на персидском языке. Нельзя не вспомнить пронзительную надпись над воротами, ведущими к уже заброшенной дахме

(«башне молчания», месту прежнего трупоположения зороастрийцев) в г. Йезде. Надпись исполнена на персидском языке и представляет собой смешение лексики персидской и зороастрийского дари: «*Var foruhar-e rāk-e hame-ye dargozaštēgān dorud bād*» ‘Да будут благословенны чистые фравашы всех усопших’.

Е.А. Наумова

(МГУ ИСАА им. М.В. Ломоносова; НИУ ВШЭ, Москва)

Семантические изменения в заимствованной лексике современного японского языка

1. Приблизительно с XVI в. до середины XX в. новые слова приходили в японский язык из иных языков с преобладанием английского. Однако, начиная со второй половины XX в. в связи с появлением новых реалий становится активным процесс заимствования именно из американского варианта английского языка. Это связано с тем, что политическое, экономическое и культурное влияние США на Японию, начавшееся после поражения во Второй мировой войне, достигло пика в последовавший за ним период оккупации и продолжается в настоящее время.

2. Процесс заимствования из других языков всегда сопровождается ассимиляцией – освоением заимствованных единиц системой принимающего языка. После того как заимствованное слово вошло в язык, оно начинает подвергаться фонетическим, графическим, грамматическим и семантическим изменениям. В лингвистике не существует единой общепризнанной системы классификации процесса ассимиляции, однако прослеживается выделение в этом процессе фонетического, морфологического, графического и семантического аспектов. Семантическая ассимиляция под-

разумеает заимствование слова только с одним из всех его значений. В результате ассимиляции этого типа заимствования оказывают огромное влияние на семантическую составляющую лексического состава принимающего языка. Уже существующие в языке лексические единицы под влиянием заимствований могут подвергаться семантическим изменениям и даже утрачивать некоторые из своих значений.

3. Одним из проявлений семантического изменения заимствованных слов, произошедшего после этапа их семантической ассимиляции в японском языке, является васэйэйго – слой лексики японского языка, представляющий собой слова английского происхождения, которые со временем приобрели и закрепили за собой отличные от оригинала значения или несколько значений. Такие слова еще называют псевдо-англицизмами. Васэйэйго является одним из относительно новых и применимых для современной Японии языковых явлений.

4. Изучение слов категории васэйэйго позволяет классифицировать их по способам словообразования:

- слова, образованные при помощи префиксов и суффиксов;
- смешанный тип слов, представляющий собой сочетание морфем английского и японского происхождения;
- иные слова, не вошедшие в первые две группы;

5. В процесс ассимиляции часто рождается и еще один тип лексики иностранного происхождения – омонимы. Это происходит в результате усечения основ заимствованных слов.

6. Заимствование – это процесс, на начальном этапе которого происходит принятие языком-реципиентом заимствованного слова в его оригинальном значении, но с течением времени оно подвергается семантическому освоению - ассимиляции, которая впоследствии может иметь разные пути развития. В процессе семантического освоения значение заимствованного слова может либо расширяться,

либо сузиться, либо полностью измениться. В современном японском языке существует много неологизмов-заимствований, которые были подвергнуты семантическому изменению перед тем, как прочно закрепились в его лексической системе.

Ю.В. Норманская

(ИЯз РАН; ИСП РАН, Москва),

И.В. Федотова

(НИУ ВШЭ; ИСП РАН, Москва)

Семантические переходы в обско-угорских списках базисной лексики и их аналоги в контактных языках

В настоящее время активно проводится инвентаризация семантических переходов в языках разных семей. «Каталог семантических переходов» под руководством А.А. Зализняк посвящен этому в синхронии, с привлечением документированных данных древних языков для диахронии (семантическая эволюция). Полностью синхронными являются каталоги межъязыковой полисемии и колексификации ASJP и CLICS (ареальное исследование колексификации по этим базам предпринято в [Gast, Koptjevskaja-Tamm 2018]). Это обширные каталоги, охватывающие многие языки мира. Диахронические семантические переходы от реконструированного значения в праязыке к языкам-потомкам (восстанавливаемые с помощью семантической реконструкции) не имеют каталогов и традиционно изучаются в этимологических исследованиях в рамках одной языковой семьи: самая полная каталогизация в рамках списка базисной лексики проведена на материале тюркских языков в словаре [Дыбо 2013].

В настоящем докладе поставлена цель выявить, происходят ли диахронические семантические переходы в

определенных ареалах или они связаны с генетическим происхождением языков.

В центре исследования – обско-угорские языки (хантыйский и мансийский) в связи с тем, что именно по ним было получено много новых полевых и архивных данных, информация по происхождению слов в обско-угорских языках дана по [UEW]. Но для этимологий в [UEW] была уточнена семантическая реконструкция. Далее был выявлен набор изменений значений, характерный для базисной лексики обско-угорских языков. Затем был проанализирован материал контактных языков: пермских, самодийских, тюркских, тунгусских и отчасти русского (на позднем этапе) с целью проверить, есть ли аналогичные переходы в них.

Лексический материал для анализа привлекается только из стословного «списка Сводеша», или списка базисной лексики – слов из разных тематических групп, предположительно относящихся к докультурному словарному составу. В дальнейшем планируется расширить привлекаемые списки.

Новые обско-угорские данные привлекаются к подобному исследованию впервые. С 2010 года под руководством Ю.В. Норманской собираются полевые данные по всем диалектным группам обско-угорских языков, в частности, в тех местах, где осталось всего четыре носителя (низямский хантыйский) или куда можно добраться только на вертолете или вплавь на лодке (деревня Корлики, где много носителей, использующих в быту ваховский хантыйский, который считали практически исчезнувшим). Кроме полевых, привлекаются архивные, ранее не опубликованные данные: словарные списки XVIII-XIX веков, найденные нами в архивах Санкт-Петербурга и с точки зрения фонетики дающие высокую степень достоверности и корреляции с современными соответствующими диалектами. Все эти данные в виде

словарей опубликованы на платформе «ЛингвоДок» lingvodoc.ispras.ru.

Словари «ЛингвоДока» устроены следующим образом: на каждое слово дается реконструированная праформа со значением, есть также графа «изменение значения». Возможен поиск по всем разделам, в том числе по «изменению значения». Благодаря специальным функциям строится карта, где отображаются ареалы, построенные из географических точек, где реально засвидетельствованы определенные семантические переходы.

В рамках такого подхода был проведен анализ семантических переходов в стословных списках самодийских языков в сравнении с тюркскими и тунгусскими: выявлены 2 самодийско-тунгусские параллели, 5 самодийско-тюркских параллелей и 9 самодийско-тюркско-тунгусских параллелей, установлены узкие ареалы (вероятно, контактного происхождения) семантических переходов среди языков разных семей и широкие ареалы праязыковой полисемии [Федотова 2020].

Для обско-угорских языков также выявляются семантические переходы, имеющие параллели в контактных языках, приведем примеры:

- 1) в тюркских языках: ‘глина’ > ‘земля’; ‘чешуя’ > ‘кора’; ‘конец’ <> ‘голова’
- 2) в тюркских и самодийских: ‘вершина’ > ‘голова’
- 3) в тюркских и тунгусских языках: ‘внутренность’ > ‘живот’
- 4) в самодийских, тюркских и тунгусских языках: ‘место’ <> ‘земля’

В докладе будет представлен полный список диахронических семантических переходов в обско-угорской базисной лексике, имеющих параллели в контактных языках, с иллюстрациями ареалов на картах. Это позволит подтвердить гипотезу о том, что семантические изменения связаны с языко-

выми контактами, полученную при анализе самодийской базисной лексики, и оценить с этой точки зрения степень интенсивности ранних контактов обских угров с носителями других языков.

Список используемой литературы

1. Дыбо 2013 — *Дыбо А. В.* Этимологический словарь тюркских языков. Том 9 (дополнительный). Этимологический словарь базисной лексики тюркских языков / Сост. Дыбо А.В. — Астана: ТОО «Prosper Print», 2013. — 616 с.
2. «ЛингвоДок» — Виртуальная лаборатория «ЛингвоДок», электронный ресурс <http://lingvodoc.ispras.ru/>.
3. Федотова 2020 — *Федотова И.В.* Полисемия в самодийских списках базисной лексики и языковые контакты. — В печати.
4. ASJP — Wichmann, Søren, Eric W. Holman, and Cecil H. Brown (eds.). 2018. The ASJP Database (version 18).
5. CLICS — List, Johann-Mattis & Greenhill, Simon & Anderson, Cormac & Mayer, Thomas & Tresoldi, Tiago & Forkel, Robert (eds.) 2018. Database of Cross-Linguistic Colexifications. Jena: Max Planck Institute for the Science of Human History.
6. Gast, Koptjevskaja-Tamm 2018 — *Gast V., Koptjevskaja-Tamm M.* The areal factor in lexical typology // Aspects of linguistic variation. De Gruyter, 2018.
7. UEW — *Rédei K.* Uralisches Etymologisches Wörterbuch. Budapest, 1986-1989.

M. Padilla-Moyano

*(Université Bordeaux-Montaigne & University of the
Basque Country, Bayonne, France; BIIIЭ, Москва)*

A thought on the evolution of case system in Dravidian languages

It is a commonplace that Sanskrit grammatical tradition has traditionally conditioned the description of case systems of Dravidian languages [Caldwell 1856; Wilden 2018]. Many of the difficulties to deal with Dravidian case systems are due to the assumption that there is a clear distinction between proper case markers and postpositions [Schiffman 2004: 302]. It seems that postpositions must be set apart because: i) their grammaticalization path is easily observable; ii) they are to a certain extent bound-free forms; and iii) they concern individual languages, whereas case markers are reconstructible.

Only three cases are reconstructible into Proto-Dravidian: the accusative, the dative and the genitive; in addition, the nominative endings can be tracked throughout the languages of the family [Krishnamurti 2003: 227]. Therefore, most Dravidian languages use postpositions to convey the ablative and the locative, among other cases. Basque, a language which shows relevant typological coincidences with Dravidian, poses a similar dichotomy between case markers and postpositions [De Rijk 2008], most of them nouns which detail a general spatial meaning, but have not yet lost their nominal properties.

Dravidian languages inherited from Proto-Dravidian a first layer of cases, and historically have grammaticalized a set of postpositions. At this point a question emerges: did the postpositions of Dravidian come to fill blank spaces in a previously eroded case system, or to complete a more rudimentary one? Ultimately, it is plausible to imagine that some modern postpositions might eventually lose their semantic independence to

become bound-morphemes. If so, perhaps (some) Dravidian languages could be on the way to a more luxuriant case system.

In this presentation I will look at the mechanisms [Kulikov 2009] which led a given case system to develop new case markers that, in turn, become more specialized. To this end, I shall propose a comparison with the evolution of the case system of Basque.

References

1. Caldwell, R., 1961 [1856], *A Comparative Grammar of the Dravidian or South-Indian Family of Languages*, University of Madras.
2. De Rijk, R. P. G., 2008, *Standard Basque. A Progressive Grammar*, MIT Press, Cambridge/London.
3. Krishnamurti, B., 2003, *The Dravidian languages*, Cambridge University Press.
4. Kulikov, L., 2009, “Evolution of case systems”, in Andrej L. Malchukov & Andrew Spencer (arg.), *The Oxford handbook of case*, Oxford, 439-457.
5. Schiffman, H., 2004, “The Tamil Case System”, in J.-L. Chevillard, E. Wilden, A. Murugaiyan (eds.), *South-Indian Horizons (François Gros Felicitation Volume)*, Institut Français de Pondichéry, pp. 301-313.
6. Wilden, E., 2018, *Grammar of Old Tamil for students*, Institut français de Pondichéry.

А.С. Панина

(Институт востоковедения РАН, Москва)

Коллокации с глаголами несения в японском языке

Даже глаголы с обедненной семантикой в коллокациях проявляют некоторую степень семантической мотивиро-

ванности ([Reuther 1996], [Апресян 2008]). Мы рассмотрим на материале газетного подкорпуса BCCWJ японские глаголы несения и держания, в переносных употреблениях которых этот эффект достаточно заметен. В терминах, восходящих к Модели «Смысл-Текст», все они принадлежат к семейству лексических функций *Орег* – т.е. подчиняют себе название ситуации в качестве прямого дополнения и употребляются аналогично рус. *нести* в сочетании *нести ответственность*.

Моцу «держат в руке» широко употребляется в значении «иметь», и сложно судить, вошел ли он в коллокации в физическом значении или уже в значении обладания. Среди его спутников оказались представлены эмоциональные и ментальные процессы, характеристики и ресурсы. Он способен также заменять многие другие глаголы данной группы в коллокациях как универсальный спутник.

Нигиру «сжимать в кулаке» в словарях имеет переносное значение «контролировать» и встретился в сочетаниях с названиями прав и ресурсов. Также с названиями инструментов он метонимически описывает профессии («держат скальпель» > «работать хирургом»).

Цукаму «хватать» встретился в значении «начать иметь» с названиями престижных статусов и спортивных достижений.

Даку «прижимать к себе, держать на руках» на письме не отличается от своего более старого варианта *идаку*, который сейчас употребляется только метафорически; их спутники в основном описывают эмоциональные и ментальные процессы.

Какаэру «держат в охапке» в словарях толкуется как «иметь плохое», и действительно, среди его спутников отрицательные эмоции, нежелательные ситуации, а также иждивенцы.

Нинау «нести на плече» сейчас полностью утратил физическое значение и значит «обеспечивать функциониро-

вание»; его типичные спутники – названия прав, а также конкретные сферы деятельности.

Оу «нести на спине» также в основном утратил физическое значение. Его спутниками оказались обязанности и нежелательные ситуации, особенно травмы. Производный от оу глагол сэоу с тем же значением близок к нему по сочетаемости.

Можно заметить, что отрицательные коннотации коррелируют с образом ноши на спине или в обеих руках, тяжелой и/или сильно ограничивающей движения (*какаэру*, *оу*, *сэоу*). По сравнению с ними для *нинау* акцент, по-видимому, смещен на функциональные отношения носильщика и багажа. *Даку/идаку* тяготеет к объектам ментальной и эмоциональной сферы, возможно, потому, что предмет, который прижимают к груди, может быть скрыт от посторонних. Держание в одной руке – типичная ситуация при использовании предметов в быту; для *моцу* употребление в коллокациях, по-видимому, опосредовано значением «иметь»; сжатие в кулаке (*нигиру*, *цукаму*) дополнительно вносит коннотации контроля.

Список используемой литературы

1. Апресян Ю.Д. О семантической мотивированности лексических функций-коллокаторов // *Вопросы языкознания* № 5, 2008. С.3-33.
2. BCCWJ – *Gendai nihongo kakikotoba kinkō kōpasu Shonagon* (Сёнагон: сбалансированный корпус современного письменного японского языка) www.kotonoha.gr.jp/shonagon/.
3. Reuther T. On dictionary entries for support verbs: the case of Russian VESTI, PROVODIT' and PROIZVODIT' // *Lexical Functions in Lexicography and Natural Language Processing*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing, 1996. P. 181–208.
4. *Shin waei daijiten* (Новый большой японско-английский словарь). Электронное издание. Tokyo: Kenkyūsha, 2003.

Н.Б. Пименова
(Школа лингвистики НИУ ВШЭ, Москва)

Дистрибуция и семантические связи некоторых обозначений частей тела в австронезийских языках

Восстанавливаемые праформы и конкретно-языковые рефлексy обозначений частей тела как 'глаз', 'рот', 'нос' и др. обнаруживают в австронезийских языках многочисленные мотивационные связи древнего типа: ср. напр. 'рот, рыло, отверстие', 'нос, клюв, рыло', 'язык, лакать'. В докладе рассматривается ареальная дистрибуция лексем и их значений с учетом семантически обусловленных метатез ('нос' > 'рот') и функциональных спецификаций (прото-малайско-полинезийское *qaʔab 'широко открывать рот' > 'рот', 'действия с широко открытым ртом' (+широко +Func): 'хватать воздух', 'дуть', 'разевать пасть', 'есть').

В связи с глубокой древностью рассматриваемых мотиваций и семантических связей представляет интерес присутствие близких корней в некоторых других, неавстронезийских регионах распространения азиатской популяции mtDNA A.

Т.Г. Погибенко
(Институт востоковедения РАН, Москва)

«Видеть» и «знать» в диахронии кхмерского языка: пути семантической деривации

1. Глагол «видеть», как и другие перцептивные глаголы, в разных языках имеет характерную модель семантической деривации: у него развивается ментальное значение. В кхмерском языке используется уникальный способ устранения

многозначности глагола «видеть», благодаря наличию особой, не имеющей аналога в европейских языках языковой единицы – лексического комплекса (ЛК)⁵.

В данном сообщении рассматривается использование ЛК для устранения многозначности глаголов со значениями ‘видеть; знать’ в древне-кхмерском (ДКМ) и современном кхмерском языке.

2. В ДКМ надписях ангорского периода⁶ отмечается глагол *yul ~ yol* с перцептивным и ментальным значением: ‘see, perceive; recognize, know; learn, find out, determine’ (ДАК)⁷. В случаях, когда это слово употребляется как перцептивная лексема, для устранения неоднозначности с ним образуются ЛК, куда включаются слова, активирующие значение зрительного восприятия: *vnek* ‘глаз, глаза’ или ЛК, состоящий из санскритских заимствований, *pratyakṣa prādurbhāva*, букв. ‘visible, perceptible, observable – to come into view, appear, be manifested’ (ДАК). В состав *pratyakṣa*, входит корень *akṣan* ‘глаз’, а в семантической структуре слова *prādurbhāva* «глаза» являются инкорпорированным участником ситуации⁸. В тех случаях, когда глагол *yul ~ yol*, употребляется в ментальном значении, например, как глагол знания или оценки, он выступает самостоятельно, не образуя ЛК с поясняющими компонентами.

3. Игнорирование формального различия перцептивной (выраженной ЛК) и ментальной лексем может стать одной из причин ошибочного перевода, как, например, перевод Ж.

⁵ О лексическом комплексе см. [Еловков, 2006, стр.106–147], [Погибенко 2018, 2018б].

⁶ Ангорский период – IX–XIV вв. н.э.

⁷ В надписях пре-ангорского периода VII – VIII вв. н.э. слово *yul ~ yol* отмечается два раза в именах рабов.

⁸ Термин «инкорпорированный участник ситуации», обозначающий обязательного участника ситуации, не получающего синтаксической роли в предложении, используется в работе [Падучева, 2004, стр. 53].

Сёдеса следующей клаузы, в которой *yal* выступает как глагол знания.

ta yal man ñyāñ udyoga cāp - - - kamrateñ jagat

‘те, о которых знают (=yal), что (они) стараются усердно служить (=cām⁹) - - - богу¹⁰’ (K380E:20)

перевод Ж. Сёдеса: «ceux que l’on voit inciter les autres à s’efforcer de saisir - - - au dieu» ‘те, которых видели, как они подстрекают других хватать (т.е. красть –Т.П.) в храме’ (IC, VII, стр. 263).

4. В современном кхмерском языке слово со значением ‘глаза’ – *nè:tra:* (скр) используется в ЛК с перцептивным глаголом *tə:t* ‘смотреть (о боге, короле)’: *tə:t preəh nè:tra:*. Однако в этом случае у него нет функции устранения неоднозначности глагола *tə:t*.

В современном языке ДКМ глагол *yal ~ yol* распался на два слова: *yǎl* ‘видеть (о боге, короле)’ и *yǎl* ‘понимать’. В качестве многозначного «видеть» теперь употребляется глагол *khə:n* ‘видеть; понимать’, и устранение неоднозначности остается по-прежнему актуальным. Эта задача, как и в ДКМ, решается при помощи ЛК: *yǎl khə:n* ‘понимать’. Только теперь акцентируется не перцептивное, как у ДКМ *yal ~ yol*, а ментальное значение, и в качестве «группы поддержки» выступает *yǎl*, этимологом которого является ДКМ *yal ~ yol*.

5. При переводе с европейских языков на кхмерский язык предложений с глаголом «видеть», в случаях, когда перцептивное и ментальное значение выступают кумулятивно, используются разные стратегии выражения («упаковывания») перцептивного и ментального компонентов. Например,

⁹ В сноске 8 [IC VI, стр. 268] Ж. Сёдес отмечает, что *cāp* ‘брать, хватать’ может быть ошибочным написанием вместо *cām* ‘служить, быть преданным’.

¹⁰ Перевод мой – Т.П.

предложения из Ветхого Завета, главы 1 *И увидел Бог свет, что он хорош, И увидел Бог, что это хорошо, И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма* переводятся на кхмерский язык: 1) с использованием ЛК *tɔ:t khà:n*, букв. ‘смотреть (кор.) – видеть, понимать’, 2) с использованием полипредикативной структуры, в которой перцептивный и ментальный компоненты выражены в вершинных предикатах сочиненных клауз: *khà:n <...> juəl* и *tɔ:t <...> khà:n*, а также комбинацией этих двух способов: *tɔ:t khà:n <...> juəl*, 3) кумулятивно, одним глаголом *khà:n* ‘видеть; понимать’.

Сокращения и условные обозначения

ДКМ	древне-кхмерский
ЛК	лексический комплекс
скр	санскритский

Список используемой литературы

1. Еловков Д.И. Структура кхмерского языка. Фонетика. Фонология. Грамматика. С.-П., 2006.
2. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
3. Погибенко Т. Г. Лексический комплекс в языке ма // Вестник Института востоковедения РАН, № 5. М., 2018. Стр. 200-211.
4. Погибенко Т. Г. Лексический комплекс в австроазиатских языках // Труды Института востоковедения РАН. Вып.19: Проблемы общей и востоковедной лингвистики: Лексикология и лексикография. М.: ИВ РАН, 2018б. Стр. 197-211.
5. ДАК – Jenner, Philip N. A dictionary of Angkorian Khmer. Canberra, 2009.
6. ДПАК – Jenner, Philip N. A dictionary of pre-Angkorian Khmer. Canberra, 2009.
7. IC – Inscriptions du Cambodge, vol. I – VIII, Hanoi-Paris: 1937 – 1966.

8. KOV – Bible in Khmer, Old Version (Hammond Version), 1954, 1962.
9. KSV – Bible in Khmer, Standard Version. United Bible Societies, 2005.

Ю.В. Попова

(Институт востоковедения РАН, Москва)

К некоторым семантическим особенностям соматической фразеологии современного персидского языка (на примере фразеологических единиц с компонентом «рука»)

Как известно, компоненты-соматизмы находят широкое распространение во фразеологическом пласте лексики, так как относятся к ядру словарного фонда языка и в большинстве своем входят в список Сводеша. Обычно под соматической фразеологической единицей (СФЕ) понимается фразеологизм, одной из составных единиц которого является слово, обозначающее не только внешние физические формы (такие, как *рука, нога, голова* и проч.), но и элементы внутренней системы организма человека (например, *кровь, сердце, печень, мозг* и т.д.).

Продуктивность фразеологии с компонентами-соматизмами легко объяснима, так как данное языковое явление носит ярко выраженный антропоцентрический характер. В процессе познания мира и собственного тела люди начинают соотносить себя с окружающей действительностью, приписывая различным явлениям природы «человеческие» свойства. Так, во многих языках появляются различные меры длины и веса, равные среднему размеру стопы или руки, например, в мусульманских странах *зира* – это мера длины, соответствующая половине локтя (в Иране принято обозначение *зар*).

Соматические фразеологические единицы характеризуются высокой частотностью употребления, устойчивостью и развитой семантической структурой. Следует отметить, что фразеологизмы с компонентами-соматизмами, которые называют наружные органы чувств, при помощи которых человек познает окружающую действительность и свое место в ней, особенно распространены. Это объясняется тем, что такие части тела более доступны для наблюдения и описания.

В докладе будут рассматриваться соматические фразеологические единицы современного персидского языка, имеющие в своем составе компонент «рука». Данная группа фразеологизмов была выбрана для анализа по причине того, что она является наиболее обширной и интересной с точки зрения различных семантических особенностей.

Е.А. Ренковская

(Институт востоковедения РАН, Москва)

Гармония гласных как ступень к возможной внутренней флексии в языке сора

Для языков мунда характерны альтернации гласных, ср. варианты слова ‘облако’ в языке сора – *tarub, tirub, turub, tarib, turob* [Pinnow 1959]. В основном слова с альтернациями являются диалектными вариантами, но иногда могут встречаться и в одном идиоме. Доклад посвящен вокалической альтернации *i~i~u* в языке сора, приведшей к семантическим различиям между словами. Данное сообщение основано на полевых материалах двух экспедиций в округа Гаджапати, Раягада и Корапут штата Орисса, Индия (2017-2018 гг.)¹¹.

¹¹ Работа проведена при поддержке фонда РФФИ, проект № 17-34-00018 «Социолингвистическое исследование языков корапутских мунда и

В работе [Donegan 1993] отмечается разное развитие прото-мундского гласного **i* в современных корапутских мунда: указывается, что в сора гласный сохраняется, однако только в позиции перед согласными, в гутоб наблюдается переход **i > i*, а в бонда **i > u*. При этом, как показывают наши данные, во всех трех языках возможна альтернация гласных *i~u*, более того она наблюдается в пределах одного идиома. Выбор гласного зависит от гармонии с другими гласными слова, а также с гласными в соседних словах. Альтернация *i~u*, основанная на гармонии гласных, достаточно распространена в гутоб, где ей чаще всего подвергаются морфемы (*gu~gi* – показатель перфекта; ср. *piŋ-gi-nu* прийти-PFV-GEN ‘пришедшие’, но *del-gu-nu* прибыть-PFV-GEN ‘прибывшие’) и стремящиеся к грамматикализации компоненты лексических комплексов (*gu~gi* – префикс, обычно обозначающий живое существо; ср. *guso?* ‘собака’, *guga?* ‘ворона’, но *gisin* ‘курица’, *gime?* ‘коза’). При этом аналогичная гармония гласных может происходить и в полнозначных словах, и тогда выбор гласного будет зависеть от гласных окружения, ср. гутоб *isal~usal* ‘кожа’ в сочетании *to?* *usal* (глаз+кожа) ‘веко’.

В сора подобная гармония гласных на границе морфем и словоформ встречается редко, однако можно отметить некоторые случаи. Так, в диалекте сора д. Паттимуль Колони (блок Гумма, окр. Гаджапати) имеется несколько фонетических вариантов для слова ‘дом’ – *siʔŋ~siʔŋ* и *suʔŋ*. Информанты объясняют разницу между этими словами тем, что *siʔŋ~siʔŋ* обозначает внутреннюю обстановку дома, включающую проживающих в нем, тогда как *suʔŋ* скорее употребляется для обозначения постройки. По нашему предположению, вокалическая альтернация и дальнейшее развитие нескольких значений обусловлено гармонией

создание мультимедийного корпуса текстов, иллюстрирующих различные социальные условия бытования языков», рук. Ю.Е. Берёзкин.

гласных слова с гласными притяжательных показателей. Ниже представлены формы слова ‘дом’ с притяжательными аффиксами (формы были взяты из разных предложений грамматической анкеты, а не опрошены подряд):

	Ед. ч.	Мн. ч.
1	<i>siʔŋ-nen</i>	<i>siʔŋ-len</i>
2	<i>suʔŋ-nəm</i>	<i>siʔŋ-bin</i>
3	<i>(a-)suʔŋ-ən</i>	<i>(a-)suʔŋ-ənji</i>

Поскольку варианты *siʔŋ~siʔŋ* употребляется с аффиксами первого лица, а *suʔŋ* – с аффиксами третьего, то возникло семантическое противопоставление, которое можно охарактеризовать как ‘ближний, более освоенный – дальний, менее освоенный’.

Второй сходной парой слов в сора являются *riaŋ* ‘небо’ и *ruaŋ* ‘небеса, рай’. Слово *ruaŋ* с отдельным семантическим значением появилось в переводе Библии как аналог сора для английского слова *heaven*. А поскольку на данный момент около половины всех сора являются баптистами с центральной ролью церкви в общине и практикой постоянного чтения библейских текстов, семантическое разведение закрепилось в языке сора и сейчас используется также представителями других конфессиональных и религиозных общин. Скорее всего, в основе семантического разведения этих двух слов лежал механизм, описанный выше для слов ‘дом’.

Список используемой литературы

1. Donegan 1993 – Donegan, Patricia. 1993. Rhythm and Vocalic Drift in Munda and Mon-Khmer. Linguistic of the Tibeto-Burman area. Spring. Vol 16(1). Pp. 1-43.
2. Pinnow 1959 – Pinnow, Heinz-Jürgen. 1959. Versuch einer Historischen Lautlehre der Kharia-Sprache. Wiesbaden: Harrassowitz.

**Частичная лексикализация синтаксической модели
«прямой объект + отглагольное имя (лексическая
номинация)» в эвенкийском языке как не имеющем
словосложения**

В эвенкийском языке XX века, и устном [Лебедева 1952], и литературном [Василевич 1940: 135-136] есть именная конструкция, состоящая из несобытийного отглагольного имени с прямым объектом (как зависимым отглагольного имени).

- (1) *bu upkat ičə-rə-w*
1PL(EXCL) весь видеть-NFUT-1PL(EXCL)
[_{NP} [_{VP} *səktə-kə-r-wə* *koŋi*]-*mnə-wə-tin*]
ветка-INTS-PL-ACC отгрызть-NMLZ.RES-ACC-

PS.3PL

i [[_{NP} [_{VP} *t səktə-lə-d'ək*]-*wə-tin*]

lalbuka-l-wa]

и подстилка-VBLZ.OBJ-NMLZ.LOC-ACC-PS.3PL

мох-PL-ACC

«Мы все увидели, что **ельник обгрызен** [результат того, что кто-то обгрыз ельник] и [увидели] **место, где она собирала для подстилки мох**» [Лебедева 1952, архив]

Подобные конструкции типологически редки: они встречаются, например, в языке кечуа [Leferbe, Muysken 1988] или в якутском языке [Baker, Vinogradova 2009]. В последней работе подобная номинализация анализируется как фразовая («групповая деривация»): (i) [[N_{ACC} + V_{BASE}] + NMLZ]¹². В современных устных и письменных текстах¹³ употребление

¹² Такая же расстановка скобок принята в (1).

¹³ Сайты: «Малые языки Сибири: наше культурное наследие» (устные рассказы 1998-2018 гг.), режим доступа: <http://gisly.net/corpus/>; «Корпусы

подобных конструкций сильно ограничено. В обоих типах текста есть сочетания, в которых прямое дополнение – ‘олень/олени’ (*oron-mo / oro-r-wo, -l/-r* – показатель PL; *-mV/-wV* – показатель ACC), ср. (2). В устных текстах также встречаются примеры номинализаций с аккузативным объектом, обозначающие функцию или постоянное занятие (только в предикативной позиции), ср. (3).

- (2) а. [oro-r-Ø-wor ongko-kič-il-wa...]
 олень-PL-ACC-RFL.PL щипать-NMLZ.LOC-PL-ACC
 (Они пришли на) ‘пастбища своих оленей’ [Колесникова 1966: 167]
 б. ...əg girkilə-wun [oro-r-wo
 этот дружить-NMLZ.RES олень-PL-ACC
 irgi-či-mni-l-du] ajat bələ-dərə-n
 воспитывать-DUR-NMLZ.AG-PL-DAT хорошо помогать-PRS-3SG
 (работа с помощью друзей идет хорошо –) ‘эта дружба сильно помогла оленевадам’

- (3) а. [doɣinŋəktə-l-wə həlgī-wun] б. [təti-γə-l-wə
 bī-mni] б. [təti-γə-l-wə
 гриб-PL-ACC сушить-NMLZ.INSTR одевать-NMLZ-PL-ACC
 давать-NMLZ.AG
 ‘Грибосушилка’ (В Туре) я раздавала
 одежду [кастелянша]

В докладе предлагается гипотеза о частичной лексикализации модели [N_{ACC} + V_{BASE} + NMLZ] исходя из критериев, предложенных в работе [Brinton, Traugot 2005: 96-97] и о структурном соответствии¹⁴ этой модели одной из моделей словосложения¹⁵ *tatpuruṣa* (модификатор + отглагольное имя)

Института этнографии и антропологии РАН» (устные рассказы, сказания, тексты газет, переводные тексты 1950-2015 гг.), режим доступа: <http://corpora.iea.ras.ru/corpora/search.php>.

¹⁴ В работах [Jackendoff 1997; Mugdan 2015: 282-283] такие сочетания считаются фразеологическими единицами (phraseological units), а в работе [Booij 2019] – квази-инкорпорацией (ср. англ. *piano player*).

¹⁵ В эвенкийском языке нет словосложения [Nedjalkov 1997: 308].

и об изменении схемы деривации подобного сочетания: (ii) [N_{ACC} + [V_{BASE} + NMLZ]], ср. (i) (по работе [Booij 2019]).

О.В. Столбова

(Институт востоковедения РАН, Москва)

Семантические изменения в контексте лексической реконструкции (на примере лексики «колдовство» – «яд» – «лекарство» в чадских языках)

Лексика, связанная с колдовством, широко представлена в чадских языках и имеет надежную афразийскую этимологию. См., например, в чадских языках: Тангале *bura* «имя злого духа»; Мокилко *bîrré* ‘se promener (pour les mauvais esprits) la nuit pour manger les âmes des gens’ / «прогуливаться ночью (о злом духе) чтобы пожирать души людей». Производное с семантикой NAg: Даффо *^mbûrú* Ша, Боккос *bur-* «лекарь»; Мбара *^mbré* «колдун». Чадский корень имеет надежную параллель в семитском Аккадском языке: *bārūtu* (from OB on) ‘act of divination’, *bārû* (from OB on) ‘a diviner’, *barīrītu* (MB, SB) (a female demon).

В докладе анализируются систематические семантические изменения в этой группе лексики (это позволяет определить наиболее архаичное значение), а также регулярное совмещение семантики (особенно – «лекарство» и «яд»), см., например, в чадских языках:

1. Карекаре *sóorù-m*, Дера *wór-n* «лекарство, яд», Кирфи *šara-dî* «лекарство»; Даффо *ser* «яд»; Кола *mà-ḡry* «лекарство», Гисига *tala-k* «лекарство», Мофу *tala-k* «лекарство»; Месме *tor* «лекарство», Дзепав *tór*, Дари *tōr* «яд»; Леле *kā-sīrē* «лекарство»; Сомрай *šārḡā*, Тумак *hārāw*, Мигама *čārí* «лекарство». Та же семантика совмещается и в

Эфиосемитских языках: Геез *śaraya, śarraya* “bewitch, cast spells, poison, to cure, give medicine”, *śarāy* “magic, charm, sorcery, poison, medicine, cure”, Тигре *sara* “cure”, *səray* “remedy, poison”.

2. Хауса *máa-gàni* «снадобье, лекарство, магия, заклинание», Мбурку *yən-hə*, Сагу *yənən*, «лекарство», Вандала *inye* «яд»; Ламанг *y^wini* «лекарство», Логоне *mí-yun* ‘Mittel, Heilmittel, Pfeilgift’/ «(лекарственное) средство, яд для стрел», Кусери *to-yon* «яд (на стреле)».

В приложении к докладу приводится полный список релевантных этимологий на пращадском уровне и внешние параллели.

Я.В. Стручкова

(Институт филологии СО РАН, Новосибирск)

Собственные имена богатырей *абааһы* в якутском героическом эпосе олонхо

Актуальность исследования обусловлена недостаточной разработанностью вопроса исторического развития и происхождения якутского языка. Целью настоящей статьи является проведение сравнительно-сопоставительного анализа лексем в составе собственных имен богатырей *абааһы* с компонентом *тимир*.

Якутский эпос олонхо, как неиссякаемый источник изучения языка, истории, этнокультуры, мировоззрения, содержит богатый ономастический материал. В данной статье лексическому анализу подвергаются 20 собственных имен богатырей *абааһы* с эпитетом *тимир*. Якутская лексема *тимир* имеет прямую лексическую параллель с др.-тюрк. *temir, temür* ‘железо’ [ДТС 1969: 551]. Высокий семиотический статус номинаций металлов находит отражение в традиции

наименования эпических персонажей. Собственные имена с эпитетом *тимир* характеризуют внешний вид, выражают жестокость и бессердечность богатырей *абааһы*.

В ходе исследования выявлено 3 лексемы тюркского происхождения 1. **Тимир Дьилбинтэй** – *Дьилбинтэй* > як. *дьилбин* // др.тюрк. *jelvin*; 2. **Тимир Тойбонноо** – *Тойбонноо* > як. *тойбой* // кирг. *тойпондо*; 3. **Тимир Чугуннай** – *Чугуннай* > як. *чугунаа* // др.-тюрк. *чобыла*.

Монгольское происхождение выявлено в 7 случаях: 1. **Тимир Дьүккүрдээн** – *Дьүккүрдээн* > як. *дьүккүй* // монг. *жидкү-*, *жүдкү*, халх. *зүтгэ-*, калм. *зүтк-*, бур. *зүдхэ-*, *жүдхэ-*; 2. **Тимир Дьиксин** – як. *дьиксин* // монг. *жигжи-*, калм. *жигши-*; 3. **Тимир Дьэбидийэ** – *Дьэбидийэ* > *дэбидий* // монг. *жибэ*, *жиби*, халх. *зэв*, бур. *жибэн*, *жебен*, калм. *зев*; 4. **Тимир Дьүккүөр** – *дьүккүөр* > як. *дьүккүй* // монг. *жидкү-*, *жүдкү*, халх. *зүтгэ-*, калм. *зүтк-*, бур. *зүдхэ-*, *жүдхэ-*; 5. **Тимир Нуоралдьын** – *Нуоралдьын* > як. *нуора* // монг., бур., *норо-*, халх., калм. *нор-*, мнгр. *нōri-* ‘мокнуть, намокнуть’. 6. **Тимир Сөрүүнтэйдээн** > *Сөрүүнтэйдээн* > як. *сөрүүн* // халх. *сэрүүн*, бур. *һэрюун*, калм. *серүн*; 7. **Тимир Уораан** – *Уораан* > як. *уор* // монг. *агур*, бур., халх., калм. *уур*.

Из тунгусо-маньчжурского языка заимствована 1 лексема: **Тимир Кэрбиидэй** – *Кэрбиидэй* > як. *кэrbээ* // эвен. *кэргаадай*, *кэвриидэй*.

Русские заимствования: **Тимир Эрэһинэ** – як. *эрэһинэ* // русс. резина.

На данном этапе исследования в 8 якутских лексемах не выявлены параллели из других языков. Можно предположить, что данные лексические единицы были образованы в более позднее время.

Проведенный анализ показывает, что собственные имена богатырей *абааһы* с компонентом *тимир* чаще всего образуются от образных и звукоподражательных слов при помощи различных аффиксов. Поэтому имена продолжают

описание карикатурно-уродливой внешности абааһы, его поведения, повадок и т.д. При этом принимается во внимание прежде всего их неуклюжесть, громадный рост, необычный голос, неприязненно-страшный облик.

Таким образом, собственные имена персонажей олонхо, как и вся его лексика, отражают сложный исторический путь развития языка, тесных языковых контактов и взаимодействий в различные исторические эпохи. Помимо основных тюркских и монгольских лексических пластов, сыгравших решающую роль в генезисе якутского языка, встречаются единичные случаи заимствования из тунгусо-маньчжурского, русского языков. Однако для соответствующего исследования необходимы более тщательные и глубокие этимологические экскурсы тех или иных устойчивых и архаичных компонентов собственных имен олонхо.

Список используемой литературы

1. Большой толковый словарь якутского языка. – Новосибирск, 2004-2016
2. Древнетюркский словарь. – Л., 1969.
3. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. – Л., 1959.
4. Филиппова Н.И. Собственные имена персонажей в якутском эпосе олонхо: структура и семантика. – Якутск, 2016.
5. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. – М., 2018.
6. Kaluzynski St. Mongolische Elemente in der Jakutischen Sprache – Warszawa, 1961.

А.Н. Сухоруков

*(Крымский федеральный университет им.
В.И.Вернадского, Симферополь)*

Деятельность иранского лингвиста Казази по сохранению лексического своеобразия персидского языка в условиях глобализации

Мир Джалаладдин Казази является выдающимся современным учёным в области персидского языка и литературы. Его перу принадлежит более трёхсот научных статей и десятки книг, часть из которых получила самые престижные премии Ирана, в том числе «Лучшая книга года» в 1369 г.с.х. (1990/1991) и 1388 г.с.х. (2009/2010). Некоторое время Казази занимался преподавательской деятельностью, был членом учёного совета в Институте персидской литературы и иностранных языков при университете Аламе Табатабаи, дважды становился «преподавателем года» – в 1385 (2006/2007) в Институте литературы при университете Аламе Табатабаи и двумя годами позднее – в Свободном исламском университете Ирана. В настоящее время Казази является членом попечительского совета «Фонда Фирдоуси», состоит во многих специализированных комиссиях, выступает в СМИ и принимает участие в конференциях в качестве почётного гостя. Активная жизненная позиция, увлечённость своим делом и профессионализм позволили Казази добиться успеха во всех сферах деятельности. Три иранские провинции (Керманшах, Альборз и Маркази), в которых в разное время пришлось Казази жить или работать, внесли его имя в список своих почётных граждан.

Прежде всего, Казази получил известность как превосходный знаток главного эпического произведения на персидском языке – «Шахнаме» Фирдоуси. Знакомство с высоким поэтическим стилем героического эпоса о великом прошлом Ирана оказало сильное влияние на Казази, когда он был ещё студентом Тегеранского университета. Творчеству Фирдоуси была посвящена и его докторская диссертация. Первые публикации Казази

(четыре монографии в 1368 (1989/1990) году) сразу же привлекли внимание специалистов. Вскоре его авторитет в области «Шахнаме» стал непререкаем. Фирдоуси в «Шахнаме» старался по мере возможности обходиться без арабских заимствований и широко использовал словотворческий потенциал персидского языка. Богатая лексика и образность языка «Шахнаме» наложила заметный отпечаток на творчество самого Казази.

С начала 1990-х годов в своих публикациях и устных выступлениях Казази отходит от употребления слов иноязычного происхождения, синонимы или близкие эквиваленты которых имеются в персидском языке. Он заново вводит в употребление отдельные устаревшие лексические формы; при подборе эквивалентов к иноязычным заимствованиям, в случае отсутствия синонима, обращается к словообразовательным ресурсам персидского языка, в том числе к забытым моделям. Своё решение Казази аргументировал тем, что «обеспокоился состоянием персидского языка, уже непомерно загромождённого арабскими словами, и находящегося на краю катастрофы под натиском европейских слов».

Решение Казази отказаться, по возможности, от употребления иностранных слов в речи многими было воспринято как фарс, но необычайные литературные способности Казази, знание «Шахнаме» и умение быстро и точно подобрать нужное слово способствовало росту числа его сторонников. Многие следили за его выступлениями, обсуждали, цитировали неожиданные красивые лексические конструкции. Он стал постоянным гостем и своеобразным украшением на многочисленных культурных мероприятиях.

Конечно, в определённых кругах инициатива Казази была воспринята с юмором или даже негативно как явно антинаучная. Однако для многих стало руководством к действию его высказывание о том, что «даже одно персидское слово, сказанное вместо иностранного, уже является большой помощью персидскому языку и иранской культуре. Невозможно, чтобы мы говорили и писали на чистом персидском языке, но мы должны

это делать настолько, насколько это позволяют нам наши знания и умения».

Без преувеличения Казизи можно назвать самым ярким современным представителем сторонников очищения персидского языка.

А.В. Сухорукова

(Таврическая академия Крымского федерального университета, Симферополь)

Дефисноформленные термины в персидской лингвистической терминологии

Для персидского языка дефисное написание – новое явление, прецедентов которого до недавнего времени не было, но которое может стать основой для создания новых слов в будущем.

Для определения времени появления дефисноформленных терминов в персидской лингвистической терминологии и их особенностей, был проведен анализ персоязычных лексикографических и монографических источников разных периодов.

В середине XX в. иранские лингвисты начинают знакомиться с достижениями западных коллег, переводить их труды на персидский язык и попутно создавать первые эквиваленты западным терминам. Сложным западным терминам с дефисным написанием подбираются привычные для ПЯ лексемы, имеющих вид копулятивных словосочетаний или сложных слов копулятивного типа. В первом лингвистическом словаре М.А. Тораби 1978 года термины с дефисным написанием ещё отсутствуют.

Первые дефисноформленные термины появляются в словаре К. Сафави, изданном в 1982 году. Число их незначительное – около 10, и все они служат в основном для

обозначения явлений и процессов в области фонетики, что объясняется стремительным развитием данного раздела языкознания в это время и активной работой с иностранной литературой. В качестве примеров дефиснооформленных терминов в словаре К. Сафави можно привести следующие: «палато-альвеолярный» - لثوی کامی - لثوی «палато-альвеолярный»; «альвео-палатальный» - لثوی کامی - نوک زبانی - «апико-дентальный»; لثوی نوک زبانی - دندانی «апико-альвеолярный».

В словаре М.А.Тораби 1978 года все эти термины имели традиционный для персидского языка вид сложных слов сочинительного типа: «палато-альвеолярный» - نوک زبانی دندانی «апико-дентальный» и т.д.

Спустя 10 лет, в словаре Дж. Саграванияна 1990 года издания, помимо фонетических терминов, имеющих дефисное написание, появились также термины из области методологии обучения. Число дефиснооформленных терминов увеличилось вдвое. Их появление обусловлено переводом ряда научных работ западных ученых У. Риверса, Г. Палмера, Д. Жирара, Н. Хомского на персидский язык. Приведем примеры некоторых из этих терминов: «социолингвистический аспект билингвизма» - جنبه اجتماعی - زبانی دوزبانگی (социолингвистический аспект билингвизма); «аудиолингвальный метод» - روش تقلیدی - حفظی (аудиолингвальный метод); «аудиовизуальный метод» - روش سمعی - بصری (аудиовизуальный метод). Эти термины, в отличие от предыдущих, не имеют орфографических вариантов в виде традиционных копулятивов. То же самое можно сказать и о последующих дефиснооформленных терминах, которые были отобраны из лингвистического словаря Х. Хамаюн 2001 года (более 60 единиц). Однако, как в случае с первыми терминами, новопоявившиеся лексемы не связаны тематически – все они обслуживают разные аспекты лингвистики. Более того дефиснооформленные термины начинают приобретать разные структурные виды: сочетание букв латинского алфавита и слова, сочетание букв персидского алфавита и слова,

сочетание символа и слова, сочетание равноправных слов, сочетание слов с приложениями.

Вывод. В персидской лингвистической терминологии наблюдается тенденция к увеличению числа терминов с дефисным написанием и расширением их структурных видов; данные термины появились в результате перевода западноевропейских научных трудов путем калькирования иностранных терминов и автоматического заимствования чужих элементов орфографии; первые термины с дефисом, появившиеся в 80-х гг XX в., явились орфографическими вариантами одного и того же термина; термины с дефисным написанием, созданные в 90-х гг. XX в. и позже, характеризуются отсутствием орфографической вариантности.

Е.А. Хамаева

(МГИМО МИД России, Москва)

К вопросу об универсальности категории имени собственного (на материале китайского языка)

Универсальная категория имени собственного, присутствующая во всех языках мира, была объектом многих исследований, в результате которых были выявлены и сформулированы ее наиболее типичные категориальные признаки – формальные, содержательные и функциональные. Практический материал китайских имен по многим параметрам либо не соответствует этим характеристикам, либо вовсе им противоречит. Более того, следует отметить, что период, когда в китайском языке стали выделять имена собственные, вероятно, совпадает с тем периодом, когда китайские ученые стали выделять части речи, т.е. примерно в 19 веке. Могут ли указанные факты свидетельствовать об отсутствии лексико-

грамматической категории имени собственного в китайском языке.

Понятие «имя», как нечто единое и противопоставленное понятию «реалия», «предмет», являлось одним из центральных в китайской философии языка. При этом в китайской традиции не произошло характерного разграничения на два класса имен: имена нарицательные и имена собственные. Они фактически не различались, слово рассматривалось как «имя» определенного «предмета». А так как в мировосприятии китайцев под понятие «вещь» попадал также и человек, как такая же часть, элемент мирового универсума, соотносимая с остальными предметами, то и необходимости в ее специальном выделении не было. Не различались имена собственные и в вэньяне.

О том, что категория собственности исторически не выделялась в китайском языкознании, отчасти может говорить и отсутствие единой унифицированной терминологии в их обозначении. Например, в литературе до сих пор встречаются такие термины, как 专名, 专有名, 私名, 本名, 单程名词, 人名,

Кроме того, отсутствует единая общепризнанная классификация китайских имён собственных. В частности, не всеми авторами вообще предлагается классификация онимов. Часто такая классификация ограничивается лишь антропонимами и топонимами, а также названиями компаний. Практически невозможно встретить работы, посвященные таким разрядам, как зоонимы, фитонимы и т.д.

Кроме того, если рассмотреть механизмы образования имён людей, названий мест, улиц, организаций, растений, животных – то можно заметить, что все они образуются по одним моделям. И если не брать в расчёт, так называемое, «родовое слово» – улица,

проспект, цветок, у людей – знак фамилии, то принципиальную границу между этими группами имен провести невозможно. Эти слова являются именами определенных предметов.

Л.В. Хохлова

(ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва)

Контролирующие свойства именных групп в истории западных индоарийских языков

Развитие эргативного синтаксиса, которое началось с эпохи классического санскрита и достигло апогея в апабхрмша, а затем его постепенное разрушение описаны в лингвистической литературе с точки зрения изменений, связанных с кодирующими свойствами именных групп. В докладе делается попытка рассмотреть влияние типологической эволюции индоарийских языков на эволюцию контролирующих свойств ИГ.

Формирование эргативного синтаксиса в перфективной сфере совпадает по времени с переориентацией контролирующих свойств именных групп. Вместо поверхностного подлежащего основным контролером абсолютивов становится агенс. Помимо агенса контролерами абсолютивов могли быть также экспериенцер, посессор, реже пациенс (в роли подлежащего пассивных конструкций) [Носк 1991: 59]. Единственным возможным контролером рефлексивизации в санскрите и пали был агенс активных и пассивных конструкций, в том числе опущенный агенс пассивов. [Peterson 1998:129].

В современных западных НИА к семантическим ролям, способным контролировать абсолютивы, добавил-

ся также реципиент. Пациенс в роли подлежащего практически утратил контроль над абсолютивами. Число семантических ролей, контролирующих рефлексивы, выросло в современных западных НИА по сравнению с санскритом и пали. Этим свойством стал обладать не только агенс (в номинативе или эргативном падеже), но и экперिएнцер, реципиент, посессор и пациенс, в том числе пациенс, маркированный аккузативным послелогом. Опущенный агенс пассивов перестал быть контролером рефлексивных местоимений. Таким образом, вместе с ослаблением эргативного синтаксиса в западных индоарийских языках происходит ослабление роли агенса как средоточия контролирующих свойств именных групп, однако в целом контролирующие свойства именных групп подверглись меньшим изменениям, чем их кодирующие свойства.

Список используемой литературы

1. Hock N. H. 1991. Possessive agents in Sanskrit? Studies in Sanskrit Syntax, ed. H.H.Hock. Delhi, Motilal Banarsidass: 55-70.
2. Peterson J.M. 1998 Grammatical Relations in Pali and the Emergence of Ergativity in Indo-Aryan. Lincom Studies in Indo-European Linguistics. Munchen, Lincom Europa.

Д.И. Эдельман

(Институт языкознания РАН, Москва)

Динамика соотношения понятий «путь» и «дорога» в этимологии иранских языков

Этимология иранских языков выявляет динамику соотношения понятий «путь» (направление движения, независимо от способа и среды) и «дорога» (выбранная или подготовленная поверхность, по которой происходит движение).

Праиранские основы типа *panta-, *pah(a)- «путь, тропа, дорога», обозначали и направление движения, и поверхность, по которой оно происходит. Основы восходят к индоевропейскому *pont(h)a- «путь, дорога; переправа; мост», производному от глагола и.-е. *pent- «идти, ступать; двигаться» (ср. англ. *path*, нем. *Pfad*, рус. *путь*). Этот широкий круг значений сохранялся в древнеиранских языках: авестийском и древнеперсидском.

Далее семантика разделяется: в среднеперсидском и парфянском языках ответвляется значение «напутствие, наставление», которое затем в языках-наследниках в рефлексах данных слов становится главным и потом единственным (например, перс. *pand* «напутствие, наставление; совет; поучение; нравоучение»). В остальных языках сохраняется древний широкий круг значений: «путь; дорога, тропа». В осетинском развивается оттенок «свой путь».

При этом в среднеперсидском и парфянском появляется новое понятие «дорога» и соответствующее название в виде имени, производного от праиран. *rat(h)a-, *raha- «колесо; колесная повозка; колесница» из индоевропейского *ret-, *reth- «бежать; катиться», *roto- «колесо, круг» (ср. лат. *rota* «колесо, круг; гончарный круг»; нем. *Rad* «колесо»). Это новое производное название дороги восходит к др.-иран. *rahna- «относящийся к колесной повозке, к колеснице», «колесная, проезжая (дорога)». Слово зафиксировано в языке Авесты в форме *raihya-* «дорога, путь», рефлексы его с теми же значениями выявляются также в среднеперсидском и парфянском языках и далее в большей части живых иранских языков, при этом не только в потомках данных языков, но и в виде адаптированных заимствований из них (главным образом из персидского). Ставшие обозначением дороги эти имена затем расширяют круг значений, например, перс. *rah* 1) «дорога, путь»; 2) «способ, метод, приём»; 3) муз. «лад»; 4)

религ. «вероучение, вероисповедание»; 5) «раз»; 6) «полоса, полоска».

Таким образом, в иранских языках обозначение понятия «путь» наиболее древнее, восходящее к индоевропейскому состоянию, а понятие «дорога» — позднее, связанное с человеческой деятельностью. Это находит некоторую аналогию со славянскими языками: см. рус. *дорога* «продранное в лесу пространство», ср. праславянский глагол **dъrgati*, имя **dorga* из индоевропейского **deregh-* «драть, дергать, корчевать, продирать».

Содержание

Андреева В.А. Лексические изменения в современном вьетнамском языке	3
Антонян К.В. Семантическая асимметрия парных модификаторов со значением направления в китайском языке: синхрония и диахрония	4
Асгари Л. Chemosh/ kemosh Бог моавитян в иранских языках и диалектах	6
Бакланова Е.А. Влияние аффиксального заимствования на словообразовательные модели тагалого	10
Beletskiy S. Sound Variation in Kuria Varieties Rinchari and Simbiti: the Case of /f/ and /ʃ/	12
Белова А.Г. Лексическая и грамматическая спецификация в древнеарабском	15
Блинов А.А. Развитие процесса аббревиации в арабском языке: от Корана до средневековых рукописей	16
Быкова С.А. О некоторых изменениях в японском языке в конце XX- первых десятилетиях XXI вв.	17
Gadilia Ketevan. Diachronic explanation of some typological features	19
Grashhenkov P. Altaic Serialization as Functional Head Spell-Out	21
Громова А.В. Почему «язык»? Почему «диалект»? Определения понятий guyeš/lahje/zabān в иранской диалектологии	24
Гусева М.Д. Синтаксические модели интернет-чэньюев китайского языка	27

Демич К.И., Костыркин А.В. Особенности становления современной японской философской терминологии в эпоху Мэйдзи по лексикографическим данным	29
Додыхудоева Л.Р. К семантическим параллелям в выражении страха (на материале <i>фразеологических единиц</i> памирских языков)	30
Дыбо А.В. Семантические изменения в Сводешевских списках тюркских языков и диалектов: лексическая зона Атласа диалектов тюркских языков	32
Дыбо А.В., Крылов С.А. Изменения семантической системы в монгольских и тюркских языках (в аспекте корпусного исследования)	34
Евдокимова А.А., Толмачева Е.Г. Использование названий неюлианских месяцев в византийских надписях в Египте, Сирии, Палестине и других восточных провинциях	36
Зализняк А.А., Смирнитская А.А. Каталог семантических переходов в языках мира: данные дравидийских языков	39
Зверев А.С. Знак смеха в японском языке: рождение нового служебного показателя в условиях письменной интернет-коммуникации	41
Кадырова О.М. Примеры семантических переходов в турецком языке: семантический снежный ком и история сужения «турецких штанов»	43
Комарова И.Н. Особенности фонологической системы тибетского языка	44

Коровина Е.В. Коллексификации в австронезийской и «папуасской» ядерной лексике	48
Крамарова С.Г. Индонезийские заимствования в балийском языке	50
Крнета Н. Изменения в системе личных местоимений японского языка в XX веке	52
Крылова А.С., Ренковская Е.А. Язык куллуи и языковые контакты	54
Кульпина В.Г. Расширение и динамика профессиональной картины мира (по материалам польско-русского ежегодника <i>Opuscula Iaponica et Slavica</i>)	57
Молчанова Е.К. Сакральные термины и изменение их семантики у иранских зороастрийцев	58
Наумова Е.А. Семантические изменения в заимствованной лексике современного японского языка	62
Норманская Ю.В., Федотова И.В. Семантические переходы в обско-угорских списках базисной лексики и их аналоги в контактных языках	64
Padilla-Moyano M. A thought on the evolution of case system in Dravidian languages	68
Панина А.С. Коллокации с глаголами несения в японском языке	69
Пименова Н.Б. Дистрибуция и семантические связи некоторых обозначений частей тела в австронезийских языках	72
Погибенко Т.Г. «Видеть» и «знать» в диахронии кхмерского языка: пути семантической деривации	72

Попова Ю.В. К некоторым семантическим особенностям соматической фразеологии современного персидского языка (на примере фразеологических единиц с компонентом «рука»)	76
Ренковская Е.А. Гармония гласных как ступень к возможной внутренней флексии в языке сора	77
Рудницкая Е.Л. Частичная лексикализация синтаксической модели «прямой объект + отглагольное имя (лексическая номинализация)» в эвенкийском языке как не имеющем словосложения	80
Столбова О.В. Семантические изменения в контексте лексической реконструкции (на примере лексики «колдовство» – «яд» – «лекарство» в чадских языках)	82
Стручкова Я.В. Собственные имена богатырей <i>абааны</i> в якутском героическом эпосе олонхо	83
Сухоруков А.Н. Деятельность иранского лингвиста Казази по сохранению лексического своеобразия персидского языка в условиях глобализации	86
Сухорукова А.В. Дефиснооформленные термины в персидской лингвистической терминологии	88
Хамаева Е.А. К вопросу об универсальности категории имени собственного (на материале китайского языка)	90
Хохлова Л.В. Контролирующие свойства именных групп в истории западных индоарийских языков	92

Эдельман Д.И. Динамика соотношения понятий
«путь» и «дорога» в этимологии иранских
языков

93